

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

КЕЙС, НАБИТЫЙ ПОЖЕЛАНИЯМИ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Кейс, набитый пожеланиями

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Кейс, набитый пожеланиями / Л. Соболева — «АСТ»,
2016 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-090678-9

Его машина взорвана. Его похороны пышны и торжественны. Но на самом деле он, депутат и бизнесмен Василий Черкесов, жив – ведь произошло поистине чудо: в момент взрыва в машине оказался не Черкесов, а его бедняга-приятель. Обгорелое тело несчастного и было похоронено. Депутат же бросается к самому верному своему человеку – прекрасной любовнице Аллочке, чтобы прийти в себя и выяснить: кто же посмел его убить? Однако смерть идет по пятам: кто-то знает, что он жив, а потому охота продолжается. Черкесов бежит в деревню, где живет его давняя женщина – учительница Лиза. Но и там нет ему покоя. Любовь Лизы не вернуть, да и охотник за его жизнью не дремлет... Книга также издавалась под названием «Девять жизней черной кошки».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090678-9

© Соболева Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	15
3	19
4	25
5	31
6	36
7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лариса Соболева

Кейс, набитый пожеланиями

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Лариса Соболева – одна из лучших российских писательниц. Признанный мастер триллера и авантюрного детектива. Утверждает, что все свои сюжеты черпает из жизни. Уверена, что все лучшее еще впереди.

1

– Ваше мнение, Василий Романович? – вдруг пробился в его сознание голос Сахно, председательствующего на совещании, которому, казалось, конец никогда не наступит.

Черкесов мигом проснулся. В это время кто-то включил свет, так как в конференц-зале стало темно из-за сумерек, а расходиться команды не поступало. Черкесов сощурил глаза от непривычно яркого света, сонно спросил:

– Что вы сказали?

– Нет, уважаемые, – развел руки в стороны Сахно, – так мы никогда не закончим. Мне что же, повторять по сто раз? Сегодня уже тридцатое декабря! Мы заседаем последний день перед рождественскими каникулами, а вы все о чем-то грезите. Будьте добры, ножки в стороны... – Кто-то громко хихикнул. – Я не в том смысле! Не о женских ножках думайте... я имею в виду – посторонние вопросы отодвиньте в сторону. А вы что подумали?

Ой, скукотень! Черкесов едва сдерживался, чтобы не зевнуть во весь рот.

– Предлагаю перенести вопрос о продаже завода на январь, когда выйдем после каникул, – сказал, поднявшись, один из прозаседавших.

И его дружно поддержали члены городской думы, состоящей всего-то из одиннадцати человек. Но эти одиннадцать человек никак не могли столковаться и толкнуть якобы нерентабельный завод дяде со стороны.

– Ну и ладно, – собирая со стола документы, проворчал Сахно. – Прошу вас хорошо подумать и прийти к единому мнению...

– Которое заключается в том, чтобы дать согласие пустить завод с молотка, – сострил некто наверняка из противоборствующей партии.

– А вот этого не надо! – нахмурился Сахно, недовольный тем, что городская дума не пришла к мирному урегулированию вопроса. – Не надо подкалывать меня. Некоторые, – подчеркнул он, – думают: тайное голосование, то да се... Не надейтесь. Желаю всем приятно встретить Новый год. До свидания.

Черкесов как юноша сбежал вниз, надел свою новую дубленку, пыжиковую шапку взял в руки и вышел на улицу. У здания администрации невольно замер.

Зимние сумерки... Они полны магии и очарования. Особенно когда к сумеркам присоединяется размеренное и неторопливое падение снежных хлопьев. И при этом ни ветра, ни слякоти, ни прочих каверз изменщицы-погоды. Нет, зима радовала умеренным морозом и снежным покровом, когда, казалось, сама природа город очищает. А вот весной начнется самая настоящая распутица. Несмотря на асфальт и тротуары, город станет напоминать болото или сточную канаву, потому что в последние годы дороги не ремонтировались. Да и армия уборщиков поредела – не хотят власти платить за уборку территорий, а бесплатно махать метлой и лопатой желающих нет. Но до весны еще ой как далеко. Сегодня же под медленно падающими снежинками тянуло побродить по сумеречным улицам, подумать... А возможно, совсем ни о чем не думать, просто бродить...

Крупные снежные хлопья мягко оседали на дубленке и волосах, а Черкесов так и не надевал шапку. Хотелось хоть сейчас ненадолго остановиться и насладиться покоем, падающим снегом, звездами в ясную погоду. А то все не хватает времени на такую лирику. Вон, похоже, и проходим некогда притормозить – несутся на бешеной скорости, их не умиляет тихий снегопад, им надо притащить сумки с продуктами да елки домой, подготовиться к Новому году.

Зазвонил сотовый, не дав Черкесову возможности налюбоваться красотой. Он достал трубку и нехотя поднес к уху.

– Ты когда вернешься? – услышал скрипучий голос жены.

– Не знаю, – с честной интонацией соврал Черкесов. Врал он часто, особенно жене. – Только что объявили перерыв, я выскочил вдохнуть свежего воздуха, голова трещит. Думаю, приеду домой не скоро, вопросов накопилось...

– Поторопись, – произнесла она, плохо скрывая досаду. – Мама уже приехала, мне неудобно перед ней. Хоть раз в жизни появишься дома вовремя.

Она отключилась от связи, не выслушав оправданий, которые были заготовлены давно и собирались слететь с уст мужа. Подозревает. Она всегда его в чем-нибудь подозревает. Иногда ему кажется, что жена про него знает все-все, но вслух высказывает только подозрения. Собственно, Черкесову от этого ни холодно, ни жарко. Пусть подозревает – да хоть выслеживает! – это ее личное дело. Был бы повод, а скандалчик он ей всегда закатит. Тут еще теща решила праздник испортить – прикатила. Ух, как народ прав, придумывая злые анекдоты про тещ! Интересно, существует хоть один мужик на свете, благоговеющий перед тещей? И существуют ли тещи, не заслуживающие секиры, яда, пули или хотя бы кулака в глаз? По мнению Черкесова, всех тещ следует насильно согнать в концлагерь, оградить железным пятиметровым забором, по которому пустить ток десять тысяч вольт, чтобы ни одна не выбралась на волю. Пусть они там пьют кровушку друг у друга. Нет, встречаться с тещей у него не было намерения. Во всяком случае в ближайшие несколько часов. Вспомнив о времени, он посмотрел на часы – половина шестого. Пора разрядиться. Нахлобучив пыжиковую шапку на голову, он глубоко вдохнул морозного воздуха...

– Вася, тебе не жалко достояние города отдавать в чужие руки?

Опять двадцать пять – продолжение заседания! Черкесов повернулся на голос, состроив кислую мину:

– Прохор Никитич, давайте перестроимся на праздник. Сколько бы мы ни сотрясали воздух, завод отберут. Ну, банкрот завод, банкрот. О чем тут спорить?

– Банкротство-то липовое, – хмуро возразил Бубулин. – А это уголовщина.

– Политические силы в стране распределились так, что те, кто стоит ступенью выше, всегда правы и всегда со знаменем победы.

Прохор Никитич Бубулин – человек пожилой и постоянный оппонент думскому большинству, в которое входит и Черкесов. И тем не менее они сохраняли дружеские отношения.

– Так какого черта на нас давят? – справедливо возмутился он, нахмутив лохматые брови. – Столько часов штаны протирали, и все зря? Без нас бы и забирали.

– А это называется демократия, – улыбнулся Черкесов. – Сначала наше мнение, потом барское разумение, вот и вся арифметика. Так сложилось, Прохор Никитич, что мы с вами очутились чуток ниже, нам и принимать условия. Есть же люди, сидящие ниже нас, и мы диктуем им, так ведь? Потом наши-то обленились, работать не хотят. А придет человек со стороны и, вполне вероятно, поставит дело на ноги.

– Циничный подход к делу, – вздохнул с прискорбием Прохор Никитич. – Не видать этой стране возрождения, раз никому нет дела до ее богатств. Своим согласием мы отдадим завод в частные руки. А из бюджета города платят зарплату учителям, врачам... И пополняется казна градообразующими предприятиями, каким был до недавнего времени завод. И вдруг перестал быть таковым. Бессовестно. А как бы ты, Вася, посмотрел, если бы твой завод какой-то пацан надумал отнять?

– Отрицательно, – отшутился Черкесов.

Бубулин безнадежно махнул рукой и пошел прочь, даже не попрощавшись. А Черкесов, вздохнув, подумал: порядочность и честность давно стали анахронизмами, эти качества поднимаются на смех, разумеется, за спинами обладателей сих достоинств. Над Прошей в думе потешались, называли за глаза дураком, придумали и кличку обидную – Бубуин, а некоторые звали его еще более конкретно – Бабуин. Взрослые люди, мужчины (в городской думе нет ни одной бабы, к счастью), а злословят за спинами, дают друг другу клички, интригуют по мелочи.

Ну прямо как школьники, право слово, будто иных забот нет. Лично он, Василий Романович Черкесов, в думских интригах не участвует по одной причине – лень. И не отстаивает ничьи интересы, а удачно лавирует между оппонентами и ведет примиренческую политику. Ему что, больше всех надо? Революционеры нынче не в моде, да и хлопотно это – борьба за ненужную справедливость. Он предпочитает мирную жизнь и комфортабельный отдых. Депутатство для него – престиж, выгода, когда можно свои дела уладить, и дополнительный доход, хотя в доходах он особо не нуждается.

Стемнело. Черкесов сел в свою новую машину, выехал с места стоянки, предвкушая дивный вечерок в объятиях красотки Аллы. Буквально за поворотом он заметил на остановке прыгающего от холода приятеля. Неудивительно, что тот подпрыгивал на месте: куртка на нем далеко не зимняя, вместо сапог туфли, да и брюки по сегодняшней погоде могли бы быть поплотнее. Черкесов притормозил, приоткрыл дверцу и скомандовал:

– Федька! Бегом в машину!

Тот несказанно обрадовался, залез в салон и потер руки:

– Ну и холодина! Привет. Мне на Камчатскую. Тебе по пути?

– Даже если не по пути, доставим, – пообещал Черкесов. На него вдруг упало благодушие, такие моменты иногда случаются, важно их не упустить тому, кому обещаются золотые горы. – Одет ты слабовато для зимы. Знаешь что, подъедь ко мне... завтра утром, подкину кое-что из тряпок. А то так недолго и дуба дать.

– Мы не гордые, примем материальную помощь, – хмыкнул приятель.

– Ты посиди, а я в магазин заскочу, – паркуясь у обочины, сказал Черкесов.

Он вбежал в магазин купить провиант для чудного вечера. С пустыми руками идти к любовнице как-то не с руки, Черкесов все же не бедный человек. Да и кто где видел бедного депутата? Даже в кино таких не показывают, значит, их вообще нет.

Продавщица уложила в пакет шампанское, вино, коньяк, минералочку и сок – топливо для подогрева страстей. В другой пакет последовали икра, кета, креветки, салями, бекон и копченая курица – для восстановления сил. Затем зефир в шоколаде и конфеты – на поддержание тонуса. Да еще ананас. Алка обожает всякие несъедобные экзотические фрукты, а Черкесова от ананасов и бананов воротит. Что еще? Сигареты для вдумчивой паузы! Он купил пачку себе и пять пачек Алле. Такие дорогие сигареты она не покупает, но курит только их, поэтому покупать приходится ему. Теперь все.

Расплачиваясь в кассе, он бросил взгляд через стеклянную витрину на улицу, туда, где стояла его любимица «Тойота Королла», он называл автомобиль «самураем». Заметив, что Федька уселся на сиденье водителя, усмехнулся. Да, этот железный конь восхитит кого угодно. Если бы Черкесову поставили условие выбирать между Аллой, женой с детьми или «самураем», перед ним встала бы серьезная проблема. Нет, Аллу с женой можно сразу по боку, бабы нынче не дефицит. А вот насчет машины и детей... тут неизвестно, кто перевесит.

Он вышел из магазина с двумя увесистыми пакетами, и вдруг... рвануло.

Рвануло с такой силой, что задребезжали стекла магазина, а в киоске, который находился у обочины, они просто-напросто посыпались. В потемневшее небо взметнулся столб пламени с густым черным дымом, часть улицы осветилась адским огнем.

– Машина взорвалась! – пронеслось по толпе возле магазина.

Из магазина покупатели кинулись на улицу, наскакивая друг на друга, – все хотели посмотреть на бушующее пламя. Он перевел взгляд на обочину... там действительно неистово горела машина.

Василий Романович окаменел, открыв рот и вытаращив глаза. Кто же не окаменел бы, увидев родного и ненаглядного «самурая» в огне? А горел именно он! Горели пятнадцать штук «зеленых»! Горели так, словно это кипа бумаги, а не металл на колесах. Пламя гудело, черный дым валил, поднимаясь в небо, из салона в окна яростно вырывались желто-красные языки,

как из огнемёта, и тянулись к соседним машинам. Разве такое реально? Черкесов не верил глазам своим, посему не бежал в панике к «самураю», не рыдал, оплакивая утрату, а словно прилип ступнями к площадке у магазина. Слышались вопли, визг, крики, туда-сюда сновали люди. Владельцы соседних машин бросились спасать своих железных коней, заезжали прямо на тротуар...

– Человек! В машине человек! – доносились голоса с места взрыва. Некоторые пытались подойти ближе, да куда там!

Один Черкесов стоял на месте и смотрел на любимца, не понимая, почему тот горит. Кто-то выбежал из магазина с огнетушителем, толкнув при этом Черкесова. Василий Романович едва не упал, однако удержался на ногах и снова без эмоций уставился на горевшую машину. Его машину, купленную недавно за бешеные бабки!

– Заказуха, – услышал он за спиной сиплый мужской голос.

Голос привел Черкесова в чувство, он оглянулся. За ним стоял мужчина примерно его возраста – лет сорока – и бесстрастно смотрел на пожарище.

– Как? – прорезался голос у Черкесова. – Какая заказуха?

– Да ты что, сам не видишь? Гляди, как полыхает. А рвануло как! Не бензобак, уж поверь. Это бомба. И мощная. Полкило тротила. Да точно, в машину подложили бомбу.

– Ну вы загнули! – встрял в разговор еще один мужчина, наблюдавший за пожарищем от магазина. – Не полкило, всего-то граммов сто, даже меньше. Но с бомбой вынужден согласиться, вы правы – взорвалась бомба. А чья машина?

Черкесов рассеянно повернулся к пожарищу. Заказуха? Бомба? Смысл слов не доходил, однако мысли с натугой ворочались: «В мою машину подложили бомбу? Зачем? Там же Федька...» И пока он искал ответ на вопрос «зачем?», раздался еще один взрыв, от которого все вздрогнули.

– А вот теперь бензобак рванул, – сообщил мужчина с сиплым голосом.

Следом за спиной посочувствовала женщина:

– Кого ж это убили, а? Вот ироды, перед праздником человека грохнули!

Черкесова как подстрелили. Он, буквально физически ощутив осколок в сердце, будто тот отлетел от горевшего автомобиля и вонзился в грудь, на миг потерял способность сообщать, едва не упав без чувств. Глубокими вдохами Черкесов унимал сердцебиение, глядя на горевшего «самурая». Вот зачем подложили бомбу – чтобы убить! И убили. Федьку! Нет, убили Черкесова. Значит, убили депутата городской думы, крупного предпринимателя города, который содержит телевизионный канал, спонсирует различные мероприятия, иногда помогает детскому дому и который собирался баллотироваться в областную думу. Убили Черкесова, которому легко давались земные блага, и потому ему казалось, что этому не будет конца. Убили местного политика, наделенного талантами дипломата и умеющего ладить со всяческой шушерой вроде нынешних руководителей города, а также с остальными кастами из многообразной человеческой породы. Убили человека, который...

Василий Романович мог бесконечно долго перечислять свои заслуги и способности, но... его убили. Взорвали, полагая, что именно он находится в машине. А там сидел Федька, друг детства, отец двоих детей, славный малый, перебивавшийся с копейки на копейку, потому что не умел жить, в отличие от Черкесова. Теперь Федьки нет, он догорает в огне, от него останется горстка обгоревших костей. А Черкесов по счастливой случайности остался жить. И благодарить ему надо жадную любовницу, к которой с пустыми руками лучше не соваться.

Приехала милиция, за ней «скорая». У горевшей машины собиралось все больше народу, толпа стояла плотным кругом вокруг нее, и ментам пришлось разгонять ее. Черкесов вдруг – абсолютно бессознательно! – сдвинулся с места и пошел. Он шел и шел по улице, тупо глядя перед собой, не разбирая дороги, не зная конечной цели. Он думал о том, что остался жить, а Федька погиб.

Неизвестно, сколько времени брел Черкесов по улицам города, вдруг ставшего чужим и враждебным, и пришел на окраину, где ютились одноэтажные дома, а улочки были узкими и кривыми, с выдолбленными дорогами и без тротуаров. Когда тротуар кончился, он, поскользнувшись на пригорке, съехал вниз на пятой точке. И – о, странность человеческой природы! – падая, Черкесов приподнял пакеты в руках, чтобы не разбились бутылки. Он врезался ногами в фонарный столб и с недоумением посмотрел на пакеты. Надо же – нес их от магазина, не замечая тяжести. Пальцы свело судорогой, настолько крепко он сжимал пакеты. Разве важны сейчас пакеты, бутылки? Его убили! Убили...

Черкесов с трудом разжал занемевшие пальцы, осмотрелся по сторонам. Тихо. Изредка раздавался лай собак. Темно. Здесь никто его не догонит. Так ведь за ним и не гнались. Его убили. Но вот придет он домой, потом выйдет на улицу... Те, кто взрывал «самурая», поймут, что не убили Черкесова, и предпримут новую попытку, тогда останутся от депутата городской думы и предпринимателя ножки да рожки, как от Федьки. Только сейчас до Василия Романовича дошло, что участь его предрешена. Но кем? Кто решил его убрать? За что? Подчиняясь единственному инстинкту – спастись, Черкесов схватил пакеты и торопливо зашагал к железнодорожному вокзалу.

* * *

Лишь в электричке, отъехав на значительное расстояние и наблюдая, как огни города уплывают все дальше и дальше, Черкесов задумался: а куда он едет? Билет он попросил в кассе на ближайшую электричку, и ему его дали «до конечной станции». Шел за теми людьми, кто спешил на поезд, так и сел. Ехал, покачиваясь в такт вагону, а перед глазами стоял горевший «самурай». И Федька, охваченный пламенем. А в ушах звучало: убили...

Очнулся Василий Романович, обнаружив, что поезд стоит слишком долго. Он изучил соседей. Рядом сидела дородная тетка с количеством сумок, которым нужны четыре руки, напротив обласкивала друг друга парочка, на них недовольно косился строгий мужчина интеллигентного вида в потертом осеннем пальто. Черкесов придвинулся к дородной тетке и тихонько спросил:

– Скажите, электричка остановится на станции Гороховка?

Тетка слегка отклонилась в сторону, изучая его с неподдельным изумлением. Безусловно, не зная, на какой поезд сел, может либо пьяный, либо чокнутый. Черкесову пришлось оправдаться тем, что пришло в голову:

– Мне сказали, что на маленьких станциях не останавливается...

– Экспресс не останавливается, а эта электричка остановится.

Он поблагодарил и отвернулся к окну, думая, что и на этот раз ему повезло, ибо попал на нужный поезд, а название станции вылетело из уст само по себе, но не случайно. Видимо, интуиция его ведет в место, где действительно Черкесов будет в безопасности. В Гороховке много лет жил в одиночестве его отец. Два года назад он умер, оставив небольшой дом сыну. Но продать его Василий Романович не смог – городских покупателей, желающих приобрести лачугу у черта на куличках в качестве загородного дома, не нашлось, местные тоже не горели желанием купить усадьбу на самом краю деревни. Короче, наследство отца не принесло материальных благ и ветшало. У Черкесова прекрасная дача, так что дом отца оказался ненужным и ему. После бесплодных попыток выручить хоть немного за родовое гнездо он перестал ездить в Гороховку, не был там полтора года.

Черкесов вышел на станции один. Постоял, глядя, как в свете фонаря планируют крупные снежные хлопья. Если бы он два с половиной часа назад сидел в машине, то сейчас не видел бы этих снежных точек, падающих в покое на землю, не знал бы, что смотреть на снег и ощущать себя живым – высшее благо. Он бы так и не понял, что страстно любит жизнь. Да, его бы уже

целых два с половиной часа не было на свете! Интересно, что бы он чувствовал в небытии? Наверное, ничего. Мир существовал до него и будет без него. Это невероятно, но он жив. Жив! Осознав этот факт, Черкесов зашагал по проселочной дороге мимо заснеженной лесополосы с одной стороны и огромного поля – с другой к Гороховке – довольно крупной деревне.

Придя к дому на окраине – а с дома отца как раз и начиналась деревня, – Василий Романович огляделся по сторонам, с трудом открыл прогнившую калитку и очутился во дворе. Как ни был потрясен Черкесов, а все же сообразил, что оставит следы на снегу и новый снег может их не засыпать. Следы интересуют деревенских, а они суперлюбопытные люди, и Василия Романовича обнаружат. Тогда он обогнул двор вдоль забора и соседской ограды и пробрался к крыльцу, ступая у самого основания дома. На крыльце Черкесов встал на колени, просунул руку в дыру сбоку между досками – там под кирпичом лежал ключ. Правда, ключ никак не хотел открывать проржавевший замок, и Черкесову пришлось изрядно потрудиться. Он даже взмок в своей дубленке-то, прежде чем разбухшая дверь со скрипом отворилась.

Войдя в сени, он заперся на задвижку, которую тоже сдвинул не без усилий. И только после этого, щелкнув зажигалкой и подняв ее над головой, осмотрел сени, словно не знал, куда идти. Неся оба пакета в одной руке, прошел в комнату. Холод стоял в доме зверский, пар валил изо рта. Черкесов поставил пакеты на пол, принялся искать старую керосиновую лампу со стеклянной колбой. Он боялся зажигать электричество, боялся, что его заметят соседи... Теперь он вообще боялся людей.

Лампа оказалась на том же месте, где держал ее отец. Дом не ограбили. Собственно, здесь нечего было взять. Черкесов после похорон отца из дома ничего не увозил – рухлядь ему не нужна. Керосин он нашел в бутылке на той же полке, где стояла лампа. Еле-еле зажег лампу, огонек едва тлел, давал мало света. Все же и этого света было достаточно, чтобы Черкесову стало легче. Поставив лампу на стол, он тяжело опустился на стул и замер. Ни о чем не думал, ничего не хотел, просто смотрел на огонек. И так сидел до тех пор, пока не замерзли ноги.

Черкесов достал из пакета коньяк, открыл его и выпил из бутылки добрую половину, выкурил подряд пять сигарет. После этого подошел к кровати, рухнул на нее, не снимая ни шапки, ни дубленки, ни обуви. Он ощущал дикую, нечеловеческую усталость. То ли она, то ли коньяк подействовали – Черкесов уснул, хотя в его положении людям наверняка не до сна...

* * *

Проснулся Василий Романович от холода. Холод пробрался под дубленку, костюм и рубашку, заledenели ноги. Черкесов сразу вспомнил вчерашний взрыв и собственный побег, неуклюже сел на кровати. Сквозь ставни просачивался дневной свет. Значит, уже утро. Он спустил ноги с кровати, поставил их на пол и пошевелил пальцами, те едва двигались. Как же согреться? На столе стоял коньяк.

Черкесов добрался до бутылки, отпил и поморщился. Да, пить натошак коньяк – не самая приятная штука. Он порылся в пакетах, достал копченую курицу, успевшую хорошо охладиться, и принялся поедать ее, медленно ворочая челюстями. Потрясение не прошло. Он вновь видел пылающий «самурай», думал о Федьке, ощущал огонь на теле, будто сам сидел вчера в горящей машине. Стало жарко. Не вытерев жирных от курицы рук, Черкесов растянул узел галстука, душивший его со вчерашнего вечера. Он съел половину курицы, запил минеральной водой и закурил. Сигареты покупал для вдумчивой паузы, вот и пришла она – пауза, когда необходимо подумать.

Разумеется, первые вопросы, посетившие его, были: кто и за что? Но сколько Василий Романович ни думал, ответа не находил. Непередаваемое чувство – не знать врага, покушавшегося на твою жизнь. А ведь кто-то прекрасно подготовился, подсунув бомбу в автомобиль,

значит, враг у Черкесова крутой и крупный. Но кто он, кто? Кому Черкесов стал костью поперек горла?

Он подозревал всех, однако оснований для подозрений было слишком мало, ведь из-за незначительных размолвок убивать не станут. Убивают за большие дела – обман, мошенничество, крупное воровство, наконец – за место под солнцем. Безусловно, Черкесов немножко мошенник, немножко вор. Без обманов ни один предприниматель не выживал, место под солнцем он отвоевал тоже под девизом: «Все средства хороши». Да только это мелочовка, и без него полно депутатов и предпринимателей, которых мало убить! Так что же сделал Черкесов не так?

И вдруг в его разгоряченном мозгу промелькнуло: а если ошиблись? «Самурая» он купил недавно, с рук, выторговав пару тысяч «зеленых». Хотя машина новая и навороченная, бывший хозяин машины торопился сбыть ее. Так, так... А что, если убить хотели бывшего хозяина «Тойоты Королла»? Как бы это узнать? Но сначала необходимо согреться.

Попробовал включить газовое отопление – газ отключен. Щелкнул выключателем – свет есть, ну и что? Черкесов перерыл дом в поисках отопительного прибора, но, кроме утюга и кипятильника на стакан, ничего не попало в руки. Продолжил поиски в сених, рыскал по полкам в надежде обнаружить что-нибудь подходящее, способное его согреть хоть чуточку. Ведра. Ну, наверное, можно попробовать из ведра соорудить нечто вроде «буржуйки». Только Черкесов не знал, как устроена «буржуйка». Тогда он поставил цинковое ведро на середину комнаты, подложив под него два камня, найденные в сених. Эти камни отец использовал как гнет, когда солил капусту. Затем разбил табуретку и принялся поджигать дровишки в ведре. Бумага горела, а дровишки коптили, выдавая черный дым. Жаль, отец разрушил настоящую русскую печку, когда проводил газовое отопление. Хотя горящая печь – это дым из трубы. Дым увидят соседи, заинтересуются, кто пробрался в дом, милицию вызовут... Нет, печь Черкесову не нужна, а согреться нужно, иначе околеет.

Это стало его главной целью – согреться, потому он не обращал внимания на чад из ведра, наполняющий комнату. Он упорно добывал огонь, как первобытный обитатель пещеры. Когда чад распространился по комнате и стало щипать глаза от дыма, Черкесов открыл дверь в сени, но не отказался от мысли добыть огонь. И добыл. Дрова слабо занялись огнем, не переставая чадить. Черкесов придвинул «очаг» к столу, сел на стул и включил утюг. Подошва утюга быстро нагрелась, Черкесов уложил его между книгами подошвой вверх, поставил на нее ноги в носках и сосчитал сигареты. Их осталось две штуки, но есть еще целая пачка и пять пачек, предназначенных для Аллы. Он закурил. В таком чаду только дыма от сигарет не хватало, но не курить он не мог.

Дровишки постепенно высыхали, разгорались активней, меньше дымили. Да и ноги чувствовали тепло от утюга. Понимая, что это единственный его обогреватель, он отключил утюг, зажал в зубах новую сигарету и протянул над «очагом» руки. Вот что, оказывается, главное для человека – тепло. Прожил Василий Романович на свете тридцать восемь лет, отдыхал на лучших курортах, где солнце палит нещадно, а не знал, что зной – не самое страшное на свете. Страшен холод. Нельзя сказать, что Черкесов согрелся, а все же почувствовал себя лучше. Теперь можно подумать о том, как узнать новости о себе, убиенном.

Есть телевизор. Когда Черкесов был здесь последний раз, он работал. Но включить его не рискнул, наверняка внутри ящика все покрылось инеем, произойдет замыкание, и тогда станет жарко от пожара. Глаза непроизвольно остановились на радиоле, на крышке которой лежали пластинки. Он никогда не слышал, чтобы эти агрегаты горели. Черкесов встал, приблизился к радиоле, некоторое время постоял, раздумывая. Потом отыскал в инструментах отца отвертку, снял сзади радиолы щиток, оголив внутренности. Так по крайней мере будет видно, загорится внутри или нет. Включил...

Радиола заработала! Ламповый допотопный агрегат шестидесятых годов, который давно пора было сдать в музей, работал! Черкесов искал нужную волну, а узнать городскую радио-

станцию не составило труда, так как в машине он постоянно включал местное радио, вещавшее с раннего утра до поздней ночи. Знакомый хит слышался с минуты, потом заговорила диктор, однако это были новости из музыкальной жизни. Следовало подождать городских новостей. Черкесов то и дело поглядывал на светящиеся лампы радиолы, боясь, что она нечаянно взорвется. Прошло полчаса.

– А теперь последние новости, – начала диктор. Черкесов был весь внимание. – Громкое убийство. – Ага, это наверняка про него! – Вчера в шесть часов пятнадцать минут у супермаркета на улице Королева взорвалась машина депутата городской думы Черкесова Василия Романовича, который находился в это время в автомобиле. – Значит, он не ошибся, все думают, что он погиб. – По данным следственной группы, взорвалась бомба, которую неизвестные преступники установили под днищем автомобиля. По предположениям следователей бомбу преступники привели в действие при помощи дистанционного управления. Прорабатывается несколько версий, главная из которых – предпринимательская деятельность Василия Романовича. – Чушь, да и только! Так подумал сам Василий Романович. – Напомним радиослушателям, что Черкесов занимал ведущее положение мест в нашем городе, не только вел активную политическую жизнь, но и управлял механическим заводом, был прекрасным предпринимателем, спонсировал городские мероприятия, помогал детям. В связи с убийством Черкесова заведено уголовное дело, ведется следствие. Мы будем информировать радиослушателей о расследовании. А теперь последние сообщения...»

Черкесов отключил единственную связь с миром, проворчав:

– И это весь некролог? Негусто.

Вскипятив кипяtilьником минеральную воду, он пил, обжигая рот и не чувствуя этого. Черкесов думал, долго ли он так протянет и что ему делать? Именно сейчас пришло понимание, что теперь так, как раньше, уже не будет, все изменилось. Только вот в какую сторону? Ну, раз его не убили, это уже хорошо. Но что будет дальше? Как выбраться из кошмара, если страх за собственную жизнь засел под кожей и не дает вздохнуть? К кому обратиться за помощью? Ведь сам он не справится.

Возник следующий вопрос – а что конкретно он хочет? Бежать куда глаза глядят или узнать, кто организовал взрыв? Разумеется, следует бежать, потому что раскрыть тайного врага вряд ли удастся. У Черкесова ни с кем не было серьезных трений, он человек очень осторожный. Однако... кому-то крупно помешал. Если бы у него были явные недруги, тогда он последил бы за ними, а так – бесполезно. Да и как следить? В городе его каждая собака знает, значит, следует рвать когти...

Приняв решение убраться подальше, Василий Романович ощупал карманы дубленки и пиджака, выложил все имеющееся на стол.

Итак, документов никаких! Водительские права, паспорт, пропуск на завод – все-все осталось в барсетке, а барсетка в «самурае». Он взял с собой в магазин лишь бумажник, чтобы купить провиант для романтического вечера. Василий Романович достал из ящика буфета сохранившиеся документы отца, надеясь отыскать полезные для себя бумаги, лихорадочно просмотрел их. Свидетельство о смерти, профсоюзный билет, подтверждение квалификации слесаря и красная книжечка, на которой выведено: «Ударник коммунистического труда». Ну и всяческие технические паспорта на телевизор, пылесос и так далее. Очень «ценные» документы!

Черкесов пересчитал деньги. В наличии осталось всего триста шестьдесят девять рублей с копейками. Далеко уедешь на эти деньги, очень далеко! Зато в кармане лежал газовый пистолет и сотовый телефон. М-да, ему бесспорно необходим пистолет в деревне! Лучше бы документы прихватил. Кстати, в барсетке лежали и деньги, приличная сумма в евро и долларах. Ну почему он не взял ее?!

Жизнь разделилась на настоящее и прошлое. От прошлого остался животный страх, что его убьют, стоит только появиться в городе. А в будущем сплошная неопределенность, отчего в душу прокрадывался новый страх.

Черкесов принадлежал к тем редким людям, которые никогда не знавали нужды, не тянули копейки от зарплаты до зарплаты даже в советские времена. Он довольно рано сообразил, что руководящий работник имеет массу преимуществ, потому посвятил себя сначала комсомолу, затем партии. Только осчастливил своим членством ряды партии и поступил в высшую партийную школу, как тут свалились перемены. Партию отменили, но... в креслах-то остались те же партийные руководители!

Черкесова, перспективного молодого человека, каждый из новостарых руководителей пытался переманить на свою сторону. Вот когда он научился дипломатии! Лавировал между противоборствующими сторонами как лоцман, знающий подводные камни и скрытые течения лучше, чем землю. Он умело использовал своих боссов, добиваясь положения и материальных благ. Таким образом очутился в кресле директора завода, быстренько прибрал к рукам контрольный пакет акций, попутно занялся собственным бизнесом. Деньги, как известно, липнут к деньгам, прилипали они и к рукам Черкесова. А сейчас у него ничего нет, даже удостоверения личности. Куда ж податься? А мысль убраться подальше становилась идеей фикс.

Что, если продать дубленку? Вместе с пыжиковой шапкой? А какое сегодня число? Взглянув на часы, Черкесов горько усмехнулся: тридцать первое декабря. Завтра наступит новый год. Лишь после праздников можно будет попробовать толкнуть дубленку и купить скромную куртку. Кстати, часы тоже стоят немало.

Как холодно! Черкесов нашел старые газеты, прогладил их горячим утюгом и, обернув ими ступни, сунул ноги в сапоги. К вечеру выключил свет и зажег лампу. Вся страна готовилась к встрече Нового года, готовился и Черкесов. Он поставил на стол бутылку шампанского, нарезал бекон, салями, открыл банку икры. Хлеба нет, без хлеба еда не еда, а недавно он этого не знал. Изредка включал радиолу, чтобы послушать новости о себе, однако о нем больше не упоминалось. Это называется – делай добро людям! Забывают о тебе сразу же, будто тебя и не было. А он, Черкесов Василий Романович, есть. И будет. Хочется верить, что будет.

2

Лиза напевала, накрывая на стол. Ей тридцать лет, телом она справная – как говорят в деревне, не полная, а все при ней, – белокожая, круглолицая, синеглазая, со светлыми длинными волосами, которые лежат на затылке тяжелым узлом. Ее шестилетняя дочка, тоже мурлыкая, лепила пельмени с ответственным видом, самостоятельно раскатывая скалкой тесто и кладя на плоские кружочки кусочки фарша. Когда Вероничка соединяла концы теста, она от напряжения замолкала, высунув язык. Лиза забавлялась ее потешным видом, звонко смеясь и чувствуя себя счастливой. Пельмени у дочки получались разнокалиберные, но Лиза нахваливала ее, девочка должна с охотой помогать матери. А вообще-то Вероничка – идеальный ребенок, практически не доставляет хлопот. Люди удивляются и завидуют Лизе, мол, как получают такие дети... Наверное, заслуга Лизы в том, что она воспитывает девочку любовью. Да ведь больше ей и некому отдать свою любовь.

Новый год! Замечательный праздник, когда кажется, что все неприятности остаются позади, а новый год обязательно принесет нечто необыкновенно прекрасное. Готовить много не пришлось – встречать Новый год они будут вдвоем. Лиза приготовила селедку под шубой и мясной салат, отварила курицу, зарубленную бабой Нюрой, живущей по соседству, нарезала немного колбасы и сыра, поставила на стол соленья. Для себя она налила в графин собственного вина, а для дочери – сок из винограда изабелла. На горячее будут пельмени, их обожает маленькая Вероничка, ну и торт, приготовленный Лизой. Вот и все. Да на большее и денег нет, что, однако, вовсе не угнетало Лизу. Сельская учительница получает мало, на ее зарплату не разгуляешься. Помогает подсобное хозяйство, которое требует много времени и труда, только тут уж никуда не денешься, если хочешь жить по-человечески. Лиза родилась, выросла и училась в городе – окончила педагогический институт. Но работы в городе для нее не нашлось, как и для большинства молодых специалистов, а работать ей хотелось. Вот и поехала в деревню к деду. Потом он умер, оставив наследство внучке.

На улице послышался звук работающего двигателя автомобиля, затем мотор заглох, и вскоре кто-то постучал в окно. Вероничка удивленно взглянула на мать. Та тоже не ждала поздних гостей, да еще в новогоднюю ночь, и поторопилась открыть.

В дом ввалился Андрей – здоровенный, общительный. Правда, его немного портил большой шрам от ожога на левой стороне лица, но это не мешало деревенским девчатам, проходу ему не дававшим, – не женат же. Последнее время он подружился с Лизой, но причина их дружбы была не во взаимной симпатии, а деловой: осенью Андрей попросил помочь с английским, и Лиза, являясь единственным человеком в деревне, владеющим английским, занималась с ним в свободное время. Денег она не брала, ему же не к поступлению готовиться, а в Интернете и журналах читать про новые технологии и прочее. Да только язык давался бывшему военному тяжело, поэтому Лиза часто просто переводила для него тексты. Правда, Андрей в долгу не оставался, одаривал Лизу и ее дочку щедрыми подарками. Ну, вот и вся дружба. А соседка баба Нюра называет Лизу дурой. Мол, давно пора мужика пригреть и баб от него отвадить.

– Гляди, мужик какой! – увещевала баба Нюра. – Давно он у нас? А хозяйство как поднял! Фермер! И зажиточный. Это ничего, что лицо маленько подпорчено. Вон девки за ним так и шныряют, а ты? Он же к тебе сам набивается. На кой мужику язык иностранный? Чтобы с тобой встречаться. Вот дура-то... Упустишь мужика! А ты ведь не молодая уже, шутка ли – тридцать годков...

Но Лиза не умеет пригревать, а тем более отваживать баб. Да и с чего баба Нюра решила, что ему необходимо «пригревание»? Кажется, он ни в чем не нуждается. И ни в ком. С Лизой вежливо и уважительно обходится, намеков с его стороны на какие-то отношения, о которых

долдонит баба Ньюра, не было. Собственно, Лиза не рассчитывает на крепкие отношения. Мать-одиночка – на деревне всеми осуждаемое явление до сих пор. Впрочем, к Лизе все относятся хорошо, а она привыкла рассчитывать лишь на себя, давно уже перестала лелеять надежду выйти замуж.

Андрей ввалился как медведь – шумно, внеся с собой в дом морозную свежесть и праздничную атмосферу. Он поставил свертки на комод, сбросил тулуп и громко сказал:

– Гостей не выгоните? А то ребята разбрелись кто куда, одному встречать Новый год как-то скучно. Так не выгоните?

– Нет, конечно, – рассмеялась Лиза. – Хотя не ждали. Ты проходи.

Он отдал ей большой пакет, произнес:

– Это на стол.

– Ну зачем же... У нас все есть.

– Всего быть не может, а с пустыми руками в гости не ходят, – откликнулся он. Потом выбрав из груды пакетов коробку, упакованную в блестящую бумагу, подошел к Вероничке. – Как думаешь, Вероника, что поручил мне передать тебе Дед Мороз?

– Я большая, в Деда Мороза не верю, – сосредоточенно склеивая тесто, ответила девочка.

– Да ну! – удивился он. – А кто же тогда передал вот это?

Он содрал обертку с коробки, и... Вероничка ахнула, схватившись за щеки руками в муке. Кукла! Барби! Настоящая, с длинными белокурыми волосами!

– Мама! – воскликнула она. – Можно взять?

– Ну, бери, раз Дед Мороз передал, – вздохнула Лиза. – Только руки вымой. И щеки, они у тебя в муке.

Вероника умчалась к умывальнику, а Лиза пожурела Андрея:

– Зачем тратился? Эта кукла слишком дорого стоит.

– Так Новый год же... – улыбнулся он. – Знаешь, я в детстве всегда ожидал, что на Новый год получу какой-нибудь необычный подарок. Но не получал. Тебе помочь?

– Помоги. Лепи пельмени, а то теперь Вероничке не до них.

– Есть лепить пельмени! – шутливо козырнул он и уселся за стол. – У, какие красавцы! На манты похожи.

Лиза начала распаковывать принесенное Андреем. Теперь на столе появились шампанское и коньяк, маслины и маринованные грибы, копчености.

...Андрей и еще двое офицеров, уволившись из армии, приехали в деревню три года назад. Поселились втроем в одном доме, купленном по дешевке. Все трое не женаты, так что у одиноких баб появилась головная боль – как мужиков заарканить. А те взялись за дело смело, как отчаявшиеся люди берутся за все, за любую работу, когда речь идет о том, чтобы выжить. Взяли в аренду надел земли и развалившуюся ферму, которую отремонтировали сами. Поначалу деревенские крутили пальцем у виска, глядя на приезжих мужиков. Никто не верил, что у парней, не имеющих опыта в сельском хозяйстве, что-нибудь путное получится. Но... через три года начинающие фермеры превратились в самодостаточных людей, к которым теперь нанимаются на работу из всех окрестных деревень. Они разделили ферму на две части: в одной начали выращивать крупный рогатый скот, а во второй – свиней на продажу. На мясо-то всегда спрос есть! Уже через год расширились – построили еще и небольшую птицеферму. А в новом году фермеры собираются запустить собственный перерабатывающий мясоцех.

Планы их простираются далеко, например, хотят закупить несколько коров молочной породы за границей. Конечно, не все у них гладко идет, и долги есть, случаются и убытки, но, как говорят, кто хочет, тот добьется. Андрей уже заговаривал, что помощь Лизы ему необходима как воздух. Ведь придется ехать за границу, а где переводчика брать? Своя-то переводчица не подведет...

Без пятнадцати двенадцать Лиза переоделась и пригласила Андрея и дочку к столу.

* * *

Черкесов открыл бутылку шампанского, налил в стакан и замер, глядя на пузырьки. Разве так он обычно встречал Новый год?

Пробило двенадцать. Черкесов выпил холодное шампанское и стал заедать икрой, зачерпывая ее чайной ложкой прямо из банки. Ради праздника все же пробовал включить телевизор, и сначала экран засветился, но потом что-то там щелкнуло, затрещало, изображение исчезло, и Черкесов поспешил ящик выключить. Из всех прелестей цивилизации у него остались электрический свет, который он, правда, не включал, чтобы никто не увидел, и радиола. Он подумал, что современному человеку невозможно жить без газа, телевизора, ванны... О, ванна! Горячая вода! А как хорошо было бы сейчас развалиться на чистой постели... Даже жену можно стерпеть вместе с тещей, только бы вернулось былое. Но... это невозможно. Однако и так жить невозможно.

Черкесов снял перчатки и подышал на руки. Ноги его стояли на утюге, однако тепло по телу не разливалось. Видимо, остыл он до последней клеточки. Кстати, если он тут сдохнет, то когда его найдут? Наверняка позднее весной или летом, когда... От неприятной мысли Черкесов подскочил, придвинул поближе к себе ведро и подкинул в тлеющие угли ножку от следующей табуретки. Нанизав креветку на шило, поднес ее к языку пламени.

– Не дождетесь, – бубнил он, обращаясь неизвестно к кому. – Я выживу. Я вам всем покажу! Что-нибудь придумаю. Я найду тех, кто меня убил, найду...

Одну за другой он поджаривал креветки и поедал их, не испытывая наслаждения.

Спал Черкесов на отцовской кровати, натянув на себя два холодных одеяла и укрывшись с головой. Приснились ему взрыв «самурая» да еще... собственные похороны, отчего он проснулся вскоре в холодном поту, а потом долго лежал, думая, как жить дальше. Бежать надо... А если к приятелю двинуть в Москву? Он занимает ответственный пост, способен помочь, у него есть связи. Дадут указание из центра отыскать убийц, а Черкесову приятель найдет пока временное местечко.

Приняв решение ехать в Москву, Василий Романович уже спокойнее отнесся к своему вынужденному затворничеству и незаметно заснул вновь. Уже без гадких сновидений.

* * *

Лиза уложила Вероничку, а новую куклу поставила на видное место, чтобы, засыпая, девочка видела ее. До сих пор Лиза сама шила для своей дочки игрушки, а еще рисовала на картоне и вырезала кукол, а малышка рисовала им одежки. Дорогих игрушек в доме не было.

Лиза вышла к Андрею, села за стол и отпила из бокала шампанского. Наступила неловкая пауза, хотя им было о чем поговорить. Но именно сейчас все темы куда-то делись, не шли на ум.

Безусловно, Лизу удивило появление Андрея. И насторожило одновременно. А он смотрел на нее открыто, не скрывая восхищения, что тоже смущало, потому что раньше он не вел себя так. Нет, разумеется, Лиза чувствовала, что нравится ему... Да и он нравился ей – человек-то хороший. Но это еще не повод. Однажды ее уже закрутил вихрь любви, а потом... осталась на бобах.

Вокруг Андрея и без Лизы девчат полно вертится – не пересчитать. Ходили слухи, что он захаживал сначала к одной из деревенских, потом к другой. Захаживал тайно, под покровом темноты, значит, не хотел, чтобы его посещения стали достоянием гласности. Только в деревне не спрячешься, быстро все становится известно. Сегодня к Лизе Андрей приехал открыто, машину оставил у ворот. Уже завтра об этом будут судачить, но, кажется, его не волнуют разговоры. А Лизу волнуют. Не может же он по-настоящему увлечься тридцатилетней женщиной?

Для мужчины тридцать два года – это, можно сказать, начало жизни, а для женщины тридцать... Разве что в полюбовницы он ее наметил. Но Лизу не устраивает статус любовницы.

– Лиза... – произнес наконец Андрей проникновенно.

– Я постелила тебе в моей комнате, – поспешила она пресечь то, что витало в воздухе. – А сама лягу с Вероничкой.

Он усмехнулся, хитро сощутив глаза. Подлил себе коньяка, а Лизе шампанского, и... они вдруг разговорились. Лишь под утро разбрелись по комнатам.

3

Два дня спустя, рано утром, Черкесов трусцой – заодно и согрелся! – добежал до станции, сел в электричку и через сорок минут приехал в Ростов-на-Дону. Был он голоден, как бездомный пес, поэтому прежде выпил кофе и проглотил две сосиски в кафетерии, насладившись наконец вкусом хлеба. А потом решительно двинул на рынок.

Черкесов встал у ларьков с одеждой, набросив дубленку на плечи, а часы держал в руке. Людей было немного. Видимо, все еще праздновали, имея запас продуктов, а мимо промышленных товаров вообще редко кто проходил. Несмело, стыдась – хотя его мало кто знает в этом большом городе, да и не ходит городское начальство по рынкам, – Черкесов протягивал часы прохожим. Один паренек остановился, спросил, сколько стоят.

– Две тысячи, – заикаясь, произнес Черкесов.

– Офонарел? – хмыкнул парень и потопал дальше.

– Но они стоят пять тысяч долларов!.. – хрипло крикнул вдогонку ему Черкесов. – А я за две... рублей...

– Эй! – выглянула из ближайшего ларька продавщица, отодвинув рукой свитера и кофточки. – А ну иди отсюда! Ишь, придумал! Втихаря возле меня толкать краденое... Пошел, пошел, а то милицию позову! Эй, милиция...

Ну и бабы есть на свете! Прямо как теща! Вот кого убивать следует. Черкесов, чувствуя себя униженным и оскорбленным, поспешил удалиться от сварливой мегеры. Он бродил по рынку, боясь остановиться. Наконец набрел на продавцов турецкими товарами. Тут-то и пришла в голову мысль: он подошел к девушке, закутанной в пуховый платок, обутой в валенки, пританцовывающей от холода.

– Купите у меня дубленку, – предложил Черкесов.

Она окинула его взглядом с ног до головы, осмотрела дубленку, спросила:

– А сам-то в чем ходить будешь?

– Куплю что-нибудь попроще. Видите ли, я нездешний... меня ограбили, я вынужден... пожалуйста... недорого продам. Она новая.

– Щас позову хозяина.

Она скрылась в недрах ларька, завешанного дубленками, кожаными пиджаками и пальто. Через минуту вышел низкорослый кавказец, жуя в зубах спичку. Держа руки в карманах, он обошел Черкесова, затем равнодушно произнес:

– Чей товар?

– Мой, – ответил Черкесов.

– Кто делал товар?

– А... где сшита... Франция.

– Скока хатишь?

– Десять тысяч.

– Тири.

– Да ты что! Дубленка ж новая! Я и так даром отдаю! Мне купить надо взамен что-нибудь и добраться до Москвы... Билет стоит полторы штуки.

– В купе. А ты паедь плацкартом и не фирмений поезд, – нагло заявил торговец.

– Тогда шесть, – насупился Черкесов. – Не хочешь, продам в другом месте.

– Четири тисача.

– Пять! – разозлился Черкесов, ругая про себя кавказца: «Чурки чертовы, так и норовят русского человека обьегорить, а еще нас не любят».

Сошлись на четырех с половиной тысячах, Черкесов скинул дубленку. Предложил торговцу и швейцарские часы, но тот предложил за них всего пятьсот рублей, что было про-

сто невозможно. Решив продать часы в другом месте, Черкесов получил деньги, вприпрыжку помчался искать курточку. Нашел более-менее подходящую, на искусственном меху и с капюшоном. Примерно в такую курточку был одет несчастный погибший Федька. Черкесов раньше не то что не надевал подобное тряпье, но даже никогда и не подходил к рядам, где им торгуют.

Теперь предстояло попасть на поезд, а документов-то нет... Оставался один выход – ехать на вокзал и просить проводников подвезти, те документы не спрашивают. Черкесов сел в трамвай и добрался до вокзала, снова выпил горячего кофе и слегка отогрелся. Купил нормальные сигареты, Алкины курить он не мог, впечатление такое, будто одни ароматизаторы вдыхаешь. Но теперь он экономил – купил сигареты без фильтра. Вышел на улицу покурить. И вдруг...

– Предъявите ваши документы, – кто-то тронул его за плечо.

Черкесова обдало жаром, а перед глазами все поплыло. Он оглянулся, увидел двух молодых откормленных ментов. Это называется – стопроцентное невезение! Собственно, почему ментам не попросить документы? Рожа у Черкесова заросла щетиной, вид удручающий.

Один из милиционеров вежливо повторил просьбу и добавил:

– Мы не потому просим вас предъявить документы, что вы похожи на Хаттаба, просто положено проверять.

– Видите ли... – начал осторожно Черкесов. – Меня ограбили. Забрали вещи, документы...

– Та-ак... – протянул первый мент. – Значит, документов не имеется.

– Я еду домой, – начал объяснять Черкесов, надеясь все же, что его не задержат, но тут же услышал суровое:

– Пройдемте с нами.

Черкесов понуро поплелся за ментом, второй шел сзади. Прошли несколько метров, и тут, сам от себя не ожидая такого, Черкесов сорвался с места и побежал. Менты рванули за ним. Черкесов пробежал вдоль вокзала, но за остановкой троллейбусов его настигли, ведь он сильно ослаб, затащили за какой-то закрытый киоск.

– Ах ты, падаль вонючая... – прошипел первый мент и ударил Черкесова под дых.

Напал и второй. Они поупражнялись на Черкесове в боксе, а когда тот свалился на землю, били ногами. Затем обыскали. Забрали все деньги, шапку, мобильник, сняли часы. Пнули еще напоследок и ушли, пригрозив:

– Попробуй вякни, паскуда. В обезьянник определим, там тебе и вовсе потроха отобьют.

Черкесов лежал на заснеженной земле, пока не утихла немного боль в теле. Сел. И заплакал. Он плакал беззвучно и горько, утирая кровь с лица. Все, прощай, Москва, прощай помощь приятеля. Хотя чем тот мог помочь, Черкесов плохо представлял. Так, рисовал, успокаивая себя, радужные картинки, подпитываясь надеждой. Он плакал, потому что очутился в безнадежном положении, потому что стал никем, потому что незнаком с тяготами жизни обычного человека. И было ему ужасно жалко себя. Мелькнула мысль: хорошо, что он не взял с собой пистолет, оставил его в отцовском доме. Нашли бы его менты – еще бы хуже, наверное, было. Он замерз, страшно замерз. Тяжело поднявшись, Черкесов натянул на голову капюшон куртки, поплелся на пригородный вокзал, сел в электричку и зайцем вернулся назад, в Гороховку.

Он медленно брел по проселочной дороге к деревне, засыпанной снегом, брел из последних сил, чувствуя боль не только в теле, но и внутри. А впереди его ждал дом отца, такой же холодный, как и все кругом. У него нет еды – Василий Романович за два дня съел даже ананас с бананами, нет ни копейки, ничего нет. Оставалось только повеситься на галстуке. Но Черкесов хотел жить. Даже в этом ужасающем положении он хотел жить.

Наступили сумерки. Он совсем плохо соображал, когда, уже не таясь, добрался до дома и взялся за калитку. И тут увидел свет в окне у соседей. Молодая женщина что-то делала, то появляясь в освещенном проеме, то исчезая. Наверняка она накрывала на стол. Черкесов подумал, что там, в ее доме, тепло и уютно, там есть еда... Он уже совершенно бессознательно

переставлял ноги, и они привели его на соседский двор. Но Василий Романович дошел всего-то до середины – силы оставили его, и он сначала рухнул на колени, промычал что-то бессвязно, а затем повалился лицом в снег...

* * *

Лиза надела фуфайку, накинула платок и выскочила во двор. Надо накормить козу, это прихотливое животное, ведь без молока-то никак нельзя. Корова – слишком хлопотно и много кормов требует, а коза хоть и капризная, все же с ней легче. И тут Лиза вскрикнула от неожиданности.

Посредине ее двора лежал ничком человек и не двигался.

Прежде всего она подумала о средствах обороны, а то ведь соседей не дозовешься: справа дом пуст, слева баба Нюра и дед Михей живут, они старики и глуховатые. Лиза огляделась по сторонам. Людей не заметила, да и деревенские собаки молчали, значит, поблизости нет чужих. Осторожно обогнув лежащего человека, Лиза прошла в сарай к козе, где хранились крестьянские орудия труда, схватила вилы и вышла.

Человек так и лежал. Пьяный? Лиза несмело приблизилась, боясь с его стороны ловушки, затем коснулась вилами спины. Мужчина не пошевелился. Да жив ли он? Лиза аккуратно, стараясь не поранить прищельца, просунула вилы под его грудь и постаралась перевернуть. Он застонал и слегка развернулся, Лиза увидела его лицо, узнала.

– Василий? – вырвался у нее возглас удивления. Она присела перед ним на корточки, дотронулась до щеки с кровоподтеком. И снова услышала лишь стон. Поднялась. – Как ты здесь оказался? И почему избит? Куда ж тебя деть?

Недолго думала. Взяла его под мышки и потащила в баню. Она не знала, долго ли он пролежал на снегу. Если обморозил лицо, то сразу в тепло нельзя. А в бане нормально, достаточно тепло и сухо. Понадобится – можно отогреть его по полной программе. Втащив Черкесова в предбанник, Лиза оставила его на пороге, открыла дверь в парную и заволокла туда. Подложив ему под голову мешок, побежала к соседям и попросила разрешения позвонить.

Баба Нюра и ее муж дед Михей – натуральные куркули, скаредные и зажиточные еще с молодости. Наверное, так и надо жить, зато у них дом со всеми удобствами, телефон, стиральная машина-автомат и прочее. Баба Нюра возит в город продавать яйца, кур и уток, которых рубит сама. Рубит и ей кур, ведь Лиза трусливая, крови боится, а уж убить живое существо, хоть и предназначенное в кастрюлю, рука у нее ни за что не поднимется.

Старики пили чай с конфетами и пряниками.

– Ну, звони, звони, – разрешила баба Нюра. – А кому?

– Алло, Андрей? – закричала в трубку Лиза, будто было плохо слышно. Непривычно ей уже было разговаривать по телефону, в деревне она им пользовалась крайне редко. – Извини, ты не мог бы срочно приехать ко мне? Спасибо, жду.

– А кто ж это у тебя, Лиза, намеренно ночевал? – осведомился дед Михей и тут же зашипел на бабу Нюру: – Че толкаешься? Спросить нельзя? Не чужая она нам, соседка. Вон и Веронику нянчим...

Лиза смутилась. М-да, не хватало ей пустых пересудов по деревне.

– Да чего ж спрашивать! – степенно отпивая чай из пол-литровой чашки, сказала баба Нюра. – Не знаешь, что ли, чья джипа? А туда же, все тебе Расскажи. Ну, Лизонька, ты правильно делаешь. Мужика нынче всеми силами завлечь надо.

– Да никто его не завлекал, приехал нас с Вероничкой поздравить, – объяснила Лиза, краснея, и поспешила уйти.

Она выскочила на улицу, дошла до своей калитки и остановилась. Вскоре показался свет фар. Андрей выпрыгнул из машины, размашистым шагом приблизился, а она не знала, что говорить.

– Случилось чего? С Вероникой?

– Идем в баню, – выпалила Лиза и открыла калитку, пропуская Андрея.

Он опешил, однако прошел во двор, бормоча:

– А почему в баню?.. Ну, можно и там. Вероника ж не спит...

Лиза не нашлась, что сказать в ответ, запоздало сообразив, что Андрей явно воспринял ее приглашение в баню определенным образом. Вошли, она протянула руку к выключателю, но тут Андрей сгреб ее в охапку и принялся целовать. Теперь опешила Лиза, не ожидавшая подобного напора, но от поцелуев голова ее пошла кругом, перехватило горло. Если бы вчера он повел себя так же решительно и смело, она не устояла бы, но сегодня...

– погоди, Андрюша, – упираясь руками в его грудь, вымолвила она.

– Лиза... – шептал он между поцелуями, сжимая ее до хруста костей. – Лиза, если бы ты знала...

– Да постой ты! – Она оттолкнула его. – Я не за тем тебя звала.

– А зачем? – более чем удивленно протянул Андрей.

Лиза нащупала выключатель, загорелся свет. Она толкнула дверь парной и включила свет там, а затем посмотрела на шутившегося Андрея, приглашая взглядом войти. Он заглянул в парную...

– Кто это? – спросил Андрей, разом помрачнев, видя лежащего на полу мужчину.

– Это Василий Романович Черкесов. Его отец жил с моим дедом по соседству, два года назад он умер, ты не знал его. Странно, почему Вася здесь очутился, да еще избитый? Черкесов занимает в городе важный пост...

– Как ты сказала? – вдруг ожил Андрей. – Черкесов? А ну-ка, идем.

Он схватил за руку Лизу и потащил в дом. Она семенила за ним, ничего не понимая. В доме Андрей усадил ее на стул, взглянул на часы и включил телевизор. Переключая каналы, бормотал:

– Сейчас... как раз время новостей. Черт, тебе антенну следует поправить, сигнал плохой. Так, кажется, будут новости на этом канале... только видимость плохая.

Изображение, действительно, было неважное. Заканчивался какой-то боевик, и Лиза в полном молчании лишь косилась на Андрея, а тот скрестил на груди руки и исподлобья глядел на экран. После рекламы на экране появилась девушка-диктор, которая противным голосом произнесла:

«На нашем канале последние новости. Сегодня состоялись похороны депутата городской думы Черкесова Василия Романовича».

Андрей многозначительно взглянул на Лизу, она же рот открыла от изумления. Новая картинка появилась на экране – торжественные похороны, а голос за кадром скорбно вещал: «Тридцатого декабря Черкесов Василий Романович трагически погиб в своей машине, которую неизвестные преступники взорвали у супермаркета на улице...»

Андрей не стал больше слушать, выключил телевизор и уставился на потрясенную Лизу. После долгой паузы она наконец произнесла:

– Но ведь он жив...

– Угу, – кивнул Андрей зло. – Чиновники живучие. У них, как у кошек, по девять жизней.

– Почему ты злишься? Тебе-то он ничего не сделал...

– Просто терпеть не могу чиновников. И этот наверняка такой же мерзавец, как остальные. Я часто бываю в городе, знаю. Раз взорвали его, значит, заработал.

– Так говорить жестоко...

– Понимаешь, Лиза, я бывший военный, видел много жестокости. Но на войне жестокость понятна, там вступают в силу другие законы. А в обычной жизни жестокость пугает, потому что незаметна, исподволь делается. Жестоко оставлять людей без работы, жестоко обманывать их, отнимая последние гроши, жестоко посылать на войну, которая нужна лишь таким чиновникам, как этот... в бане.

– Андрюша... что же мне делать?

– Выставить его вон.

– Не могу. Ты же видел, в каком он состоянии. Это бесчеловечно.

– Бесчеловечно? – вскипел Андрей, схватил стул, поставил перед Лизой, оседлал его. – Пойми: это с его стороны бесчеловечно было приползти в твой дом. Если его взорвали, а он каким-то чудом спасся, об этом узнают те, кто его взрывал. Значит, они придут сюда и тогда прикончат не только его, но и тебя с дочерью. Доходит до тебя?

– За что?! – вскрикнула Лиза, испугавшись не на шутку.

– За то, что прятала его. За то, что знаешь слишком много. Они ведь не будут вдаваться в подробности, что тебе известно. Раз прятала, значит, в курсе его дел.

– Каких дел? Я не видела его давно...

– Скажи, Вероника от него? – вдруг спросил он.

Лиза потупилась, чувствуя, как краска заливает лицо, но пролепетала:

– Почему ты так решил?

– Жалости в твоих глазах было слишком много, когда смотрела на него.

– Это еще ни о чем не говорит...

– Мне говорит о многом, – отрезал он и направился к двери.

– Андрей, – кинулась к нему Лиза, схватила за тулуп и уткнулась лбом в его грудь. – Пожалуйста, не бросай меня с ним. Между нами ничего нет... и не может быть. Пусть он встанет на ноги, тогда я прогоню его. Андрей...

Он взял в ладони ее лицо, заглянул в глаза, словно проверял, правду она говорит или врет. Потом по-дружески обнял и сказал:

– Я не собирался тебя бросать, Лиза, всего лишь хочу взглянуть на этого... в бане. Пойдем посмотрим вместе.

Они вернулись в парную, где лежал Черкесов. В себя он не пришел. Андрей осмотрел его, признаков обморожения не обнаружил и повернулся к Лизе:

– Топи баню. Этого козла согреть следует, иначе окочурится.

Через час в бане было жарко. Андрей выставил Лизу, разделся сам и раздел Черкесова. Причем не церемонился, ворочая его. Наконец привел Василия Романовича в чувство, хлеща нещадно веником и приговаривая:

– Чтобы ты пропал, чиновничье отродье. Вот тебе! Получай!

Черкесов повел соловыми глазами и промямлил:

– Где я?

– В бане! – зло хлестанул его веником Андрей.

– Больно... Ты кто?

– Дед Пихто, – шмыгнув носом, отозвался Андрей. – Садись!

С трудом Черкесов сел, не соображая вообще ничего, даже забыв, что на него покушались и что в Ростове его ограбили менты, вдобавок избив до полусмерти. Он сейчас ничего не помнил, только бессознательно боялся всего на свете, особенно голого незнакомца с веником и с неприятным шрамом на лице. Андрей окатил его холодной водой из ведра, и Черкесов задохнулся, упал на пол. Постучалась Лиза, сразу же в щель просунула простыни, полотенца и закрыла дверь. Андрей набросил на Черкесова простыню, другой обернул себя вокруг бедер и вышел к Лизе в предбанник. Она обеспокоенно спросила:

– Может, его в дом перенести?

– Обойдется! – гаркнул Андрей. – Тащи матрас, кидай на пол. Здесь поспит.

Вскоре ложе было готово. Андрей взвалил Черкесова на плечо и перенес из парной в предбанник, бросил на матрас безвольное тело. Быстро оделся, поглядывая с неприязнью на лежащий полутруп, затем укрыл его одеялом и пошел в дом.

Но Лиза не дала ему раздеться и выпить после бани хотя бы чайку. Она накинула на себя фуфайку и платок, велела идти за ней. Они пришли в дом отца Черкесова, стоявший открытым. Осмотрев дом, остатки еды на столе, гору окурков в тарелке, кровать и ведро с обгоревшими головешками, повертев в руках пистолет и стопку бумаг, тоже лежавших на столе, он выдал резюме:

– Значит, Черкесов жил здесь несколько дней. Ну и свинарник развел! Несправедливо людей называют свиньями. У свиньи есть место, где она ест, место, где спит, и место, где испражняется. А тут... человеком надо оставаться в любых ситуациях.

– Пойдем отсюда, – потянула его за рукав Лиза.

Она поставила на стол коньяк, недопитый в новогоднюю ночь, и закуски. Андрей осушил полстакана, закусил скромно и стал собираться. Лиза сидела как на иголках, полная самых разных мыслей и сомнений. Неизвестно откуда взялось у нее чувство вины перед Андреем, будто втравила она его в скверную историю. С другой стороны, беспокоила перемена в Андрее, а связывала Лиза ее с появлением Черкесова, который свалился как кирпич на голову. В-третьих, не проходило волнение после поцелуев в предбаннике – значит, Андрей действительно увлекся ею, а появление Черкесова может оттолкнуть его. Маленький эпизод в бане вдруг возродил в Лизе мечты о счастье. И стало беспокойно на сердце. Однажды такие мечты пошли прахом, а в душе на долгие годы поселилась обида. Лизе не хотелось стать для Андрея чем-то временным и снова попасть на языки всей деревни. И четвертым, перевесившим сомнения, был страх – она боялась, что сейчас Андрей уйдет и... навсегда. Неужели Черкесов разрушит то, что не успело еще начаться, а было так близко? И Лиза приняла решение – подошла к Андрею, взялась за шарф на его шее и тихо произнесла всего одно слово:

– Останься.

– Не сегодня, – хмуро буркнул тот в ответ. – Если я останусь сегодня, ты будешь думать, что я взял плату с тебя. Не хочу так. Да и ты не хочешь, я же вижу.

– Андрюша, зачем я тебе нужна? Столько девчонок, ты богатый...

– Ха-ха, – коротко и грустно хохотнул он. – Богатый спит у тебя в бане. А я всего-навсего крестьянин с немалыми долгами на плечах. Лиза, я очень этого хотел... совсем недавно... но сегодня... нет. Это должно быть по-другому, потому что иначе у нас все пойдет не так... До свидания.

На прощание он лишь коснулся губами ее губ. Поцелуй получился братский. Наверное, Андрей прав, и Лиза не готова. Однако краска стыда залила ее лицо, будто она сделала Андрею неприличное предложение. Собственно, так оно и было.

4

Черкесов спал два последующих дня, редко просыпаясь. Лиза приносила ему еду, он ел, но только потому, что знал: надо поесть. Из предбанника, который остыл, он перебрался в парную, где тепло еще держалось.

Андрей не появлялся, и Лиза подумала, что все же он обиделся на нее. И откуда взялся Черкесов? Однажды, давным-давно, у них был кратковременный роман, когда Черкесов приехал к отцу, а Лиза гостила у деда. Он умело ухаживал, вскружил ей голову, потом уехал, не попрощавшись. А когда они встретились в городе, сделал вид, что не знает ее, или действительно не узнал... неважно. Все в прошлом, от которого остался лишь неприятный отголосок, не более. Дело-то в другом: не поломает ли он Лизе дальнейшую жизнь? Вот – стоило только появиться Черкесову, Андрей исчез. Как ни отгоняла Лиза от себя мысли, что она не пара Андрею, а где-то в глубине ее души робко подавала голос надежда. Кажется, Черкесов приносит ей несчастье. Но было и жаль его, не приспособленного к жизни, не умеющего даже приготовить себе еду, о чем говорил кавардак в доме его отца. Как же такого выгонять?

А Черкесов окреп за это время не только телом, но и духом. Безусловно, он не ожидал встретить Лизу, не ожидал, что она проявит великодушие, приютив его, пусть и в бане. Небольшая интрижка, случившаяся между ними несколько лет назад, в его памяти не оставила и следа, как не оставляли его другие связи. Василий был мужчина завидный, не похожий на номенклатурных работников, лица которых как на подбор – черствые, тупые. Он умел носить костюмы, вовсе не выглядел чучелом, обряженным в одежду от Версаче. И поговорить умеет, и материально хорошо обеспечен. Многие женщины сами лезли к нему в постель, а кто же откажется от удовольствий? Сейчас, попав к Лизе, он припомнил, что поступил с ней нехорошо, но ведь это же она была влюблена в него, а он тогда лишь принял ее любовь. С кем не бывает! Короче, совесть Черкесова мучила недолго, ведь существуют более серьезные проблемы, чем совесть.

Он понял, что так жить не хочет – вечно прятаться, поэтому занялся главным: стал старательно размышлять, какая сволочь решилась его убить. Он неустанно думал только об этом, ворочаясь на твердом ложе. Его обуревали то ненависть, то отчаяние, что ничего не получится и все равно его достанут. Но потом снова жажда жить побеждала, и Василий Романович перебирал в памяти знакомых, способных пойти на убийство. И пришел к парадоксальному выводу: он не знал хорошо ни одного из своих знакомых. Пил с ними, играл в карты до утра, решал дела, по бабам ходил, определил для себя круг друзей и недругов, а знать по-настоящему никого из них не знал и что у тех на уме – понятия не имел. Да и не интересовался он внутренним миром окружавших его людей. Выходило, что заказать его в принципе мог любой. Как искать главного врага среди всех этих чужих ему людей? Одно ясно: если не найдет он, найдут его. А жить ему хотелось так же, как раньше, – вольготно и почти беззаботно. Не прозябать – жить.

Вечером третьего дня Лиза услышала звук мотора, выбежала на крыльцо. Это был Андрей, поздоровался и спросил: «Где этот?» Лиза отвела его в баню. Андрей достал из кармана тулупа пачку газет, кинул их на полók:

– Читай. Собрал в городе все, что смог.

Черкесов принялся лихорадочно разворачивать и торопливо просматривать газеты. Через некоторое время он понуро опустил голову, сжимая последнюю газету в кулаке. Значит, его похоронили. Черкесова Василия Романовича нет на свете. Грустный анекдот.

– А теперь расскажи, как тебе удалось остаться в живых и кто был в твоём автомобиле? – нарушил тишину голос Андрея.

Черкесов начал тихо, затем все более входя в раж, рассказывал свои злоключения с тех самых пор, как его жизнь круто изменил взрыв. Умолчал только о любовнице, к которой собирался ехать, что фактически и спасло его.

– Получается, что вместо тебя взорвали твоего приятеля Федьку, – проговорил задумчиво Андрей. – Жене его следует сообщить, она наверняка подала в розыск...

– Тогда меня начнут искать, – перебил Черкесов.

– А ты, что же, собираешься оставшуюся жизнь просидеть в бане? – презрительно фыркнул Андрей, не скрывавший своей антипатии к гостю поневоле.

– Нет, конечно, – дернулся Черкесов. – Но... Федьки уже нет, и ничего не изменится, если жена узнает о его случайной гибели чуть позже.

– Изменится, – возразил Андрей. – Она же надеется, что он найдется. Хотя, может быть, надежда лучше, чем правда... не знаю. Что собираешься делать? Конкретно давай.

– Конкретно? – Черкесов сгорбился, опустив голову. – Понимаю, что мне надо найти заказчика и убийц, но с чего начинать... не представляю. Да и появляться мне в городе нельзя. Как же быть?

– У тебя есть люди, которым ты доверяешь, как себе?

Очень хороший вопрос. И Черкесов готов был ответить на него: нет таких людей. Однако это же прежде всего плохо говорит о нем, Черкесове, если он не имеет друзей. Поэтому Василий Романович неуверенно произнес:

– Есть...

– Сомневаешься в их преданности?

– В моем положении сомнения нелишние.

– Тоже верно, – хмыкнул Андрей. – Так поехали в город, я отвезу тебя к твоим друзьям. На месте тебе легче будет разобраться, кто есть кто.

Черкесов понял, что Андрей его выгоняет. Он стал собираться в дорогу, чувствуя, как от страха трясутся колени. Одевшись, подошел к Лизе, поцеловал ее руку и сказал:

– Спасибо тебе, Лизонька. Прощай.

Она проводила их к джипу.

Всю дорогу Черкесов думал, к кому податься. Домой? Слишком опасно, подведет детей и жену, да и теща наверняка не уехала после столь трагических событий. Эта курва обязательно распустит язык: мол, приперся зятек, а мы-то его уже похоронили... Значит, дом отпадает. Так куда?

– Что у тебя с Лизой? – вывел его из задумчивости Андрей.

– С Лизой? Ничего.

– А почему к ней приполз?

– Да я даже не знал, что она в деревне живет, – нехотя оправдывался Черкесов. – Я терял сознание, сил хватило добраться до соседнего двора... вот и все.

– Хорошо, – буркнул Андрей.

Ехали минут десять молча. Черкесов мучительно искал тему для беседы и не знал, чем заинтересовать этого неприветливого человека. А интуиция подсказывала, что Андрея желательно расположить к себе, мало ли каким боком обернется судьба. Черкесов с юношеских лет сортировал людей, кто и когда ему пригодится, по привычке мозг работал и сейчас. Дабы завязать разговор, он спросил, надеясь, что за вопросом последует рассказ:

– А что у тебя с лицом?

– Поджарилось, – коротко ответил Андрей, не вдаваясь в подробности.

Черкесов отвернулся к окну, обидевшись на неласкового Андрея. Весь остаток пути прошел в молчании, лишь мотор ревел и рычал да изредка визжали тормоза.

Наконец их окружили огни города, но радости при этом Черкесов не испытал. Он до сих пор не знал, где найдет приют и помощь. Но вот Андрей спросил, куда ехать. Куда, куда... Если бы знать! И вдруг язык сам собой назвал адрес Аллы. Пожалуй, к ней податься – это правильно. Алка хоть и алчная, а любит с ним в постели кувыркаться, к тому же лелеет мечту занять место жены. Да, к ней!

На тихой улочке у дома Аллы он поблагодарил Андрея и попрощался.

– Стой! – сказал тот и протянул пистолет: – Это твое. В доме нашел.

– Да от него мало толку, – хотел отказаться Черкесов.

– Бери, бери, в твоём положении это нужная вещь. Кстати, газовый пистолет тоже стреляет. Его можно переделать под боевой.

Он пожелал удачи, развернул джип и газанул прочь. Наверное, назад в деревню. Черкесов взбежал на третий этаж, долго не решался позвонить, что-то сдерживало его. Но вот наверху хлопнула дверь – кто-то неторопливо спускался вниз. Это заставило Черкесова надавить на звонок. За дверью не слышалось ни шагов, ни прочих звуков. «Значит, Алла в ресторане», – решил Василий Романович. Тогда он сбежал вниз, перешел улицу и решил ждать ее за углом дома напротив, не выпуская из виду подъезд Аллы. Замерз. Чтобы согреться, подпрыгивал на месте.

В половине первого подъехало такси, Алла вошла в подъезд. Черкесов рванул за ней, с трудом переставляя закоченевшие ноги. Понимая, что его появление может вызвать любую непредсказуемую реакцию, а в подъезде всякие охи да вопли совершенно лишние, он тихонько поднимался вслед за Аллой. Вот она добралась до своего этажа, начала возиться с замком. Только бы попасть в квартиру, там он ее быстро убедит, что он есть он... Едва приоткрылась дверь, Черкесов, прыжками преодолев последние ступени лестницы, вломился в квартиру, увлекая за собой Аллу. Захлопнул дверь и повернулся к любовнице. Она сдавленно ойкнула, схватилась двумя руками за открытый рот, глаза ее выехали из орбит.

– Тчшш! – приложил палец к губам Черкесов. – Это я, я... не бойся.

Алла была потрясена настолько, что не подняла крик, а тряслась от ужаса, видя перед собой призрак в натуральную величину, еще и разговаривающий. Черкесов поспешил снять шок:

– Живой я, Алка, живой. Ты слышишь меня?

– Не... может... быть... Это ты?!.. Вася?!

– Ну, конечно, я. – Он попытался обнять Аллу, но она отпрыгнула от него назад, как от привидения. – Аллочка, милая, я не погиб. Не взорвался. Взорвался другой человек...

– Не может... быть... – бормотала она потрясенно. – Вася...

– Пойдем в комнату. – Черкесов прошел мимо Аллы, рухнул в кресло. Она с опаской вошла следом, включила свет в комнате. – Выпить есть что-нибудь?

– К-к-коньяк... – заикаясь, произнесла она, не сводя с него глаз, полных ужаса. – И в-водка... ви-вино...

– Давай коньяк и водку, – махнул он рукой, уже забавляясь потрясенным видом подружки.

А она метнулась к бару, затем к холодильнику в коридоре, назад к бару за бокалами.

Этой ресторанной диве двадцать девять. Поет Алла так себе, но чертовски хороша – с роскошной шевелюрой рыжих волос, с глазами, как у газели, с тонкой талией, которую она оттачивает на тренажерах в фитнес-клубе. Грудь маловата, это единственный ее недостаток, а ноги – просто нет слов для описания, и любовью занимается – только пух летит. Вот! Как раз любви, вернее, тяжелого секса, Черкесову сейчас и не доставало, чтобы почувствовать себя человеком. Он уже изголодался по комфорту, спокойствию, нормальной жизни с вытекающими отсюда удовольствиями.

Алла носилась из кухни в комнату, бросая на нежданного гостя недоверчивые взгляды, – кажется, не верила в то, что перед ней настоящий, живой Черкесов. Он налил в бокал добрых двести граммов водки, выпил залпом, закусил кусочком сыра, поглядывая на Аллу с искусительным лукавством. Почему-то Василий Романович ощущал себя героем. Да, странно, но он вдруг ожил, вернулась былая страсть, забылись невзгоды. Внезапно Черкесов набросился на предмет своего желания с яростью вандала. Он срывал с Аллы одежду, а та что-то пищала,

слабо сопротивляясь. Удовлетворив страсть, Черкесов лежал без сил – наступило опьянение, ведь выпил он сразу много, а не ел давно. Лежал и рассказывал Алле о своем чудесном спасении, которому обязан ей, дорогой и ненаглядной. Она молча курила, а в конце рассказа произнесла, все еще не веря ему:

– Тебя ведь похоронили...

– Но я жив! – торжественно воскликнул Черкесов, вскочив с кровати. Он возбужденно мерил комнату шагами – в пиджаке, в мятом галстуке и без штанов. – Да, жив! И знаешь, я найду тех, кто посмел меня убить. Это будет фурор в городе... и не только в городе. Я размажу этих тварей по стенке! Они у меня сгниют в тюрьме! Или убью всех! Я же покойник, меня искать не будут. Я покажу им... А ты поможешь мне.

Он долго распространялся на тему предстоящей мести, попутно пил коньяк, пока не свалился вусмерть пьяный на кровать.

* * *

Пять дней Черкесов жил у Аллы и не предпринимал абсолютно ничего. Протрезвев, он умерил пыл мстителя и задумался, с чего начинать поиски. Собственно, об этом он думал и в деревне, да только ничего не придумал. Хотя бы точку отсчета найти... Без нее невозможно прояснить инцидент с взрывом машины. Кому понадобилось устранить его, он все так же не понимал. Впрочем, завистников у него пруд пруди, значит, под подозрение попадал любой мало-мальски знакомый. Но как выйти на истинного врага, когда знакомых куча?

Алла работала допоздна. Репертуар у нее напетый, на репетиции она не ходила, но по утрам постоянно смывалась из дома – по своим женским делам, предоставляя Черкесову возможность думать. Когда она была рядом, думы отодвигались на второй план, на первый выплывала похоть. Он был неудержим и страстен, как никогда. Надо сказать, секс Черкесову принес несказанное облегчение и ту разрядку, которой раньше он не придавал значения. После секса у него лучше работала мысль, он строил планы, но... не осуществлял их. Даже не делал попыток осуществить. Алле бездеятельность Черкесова надоела, и она принялась ворчать. В конце концов у них начались заурядные ссоры.

– Слышь, милая, – однажды возмутился Черкесов, – я на тебя столько бабок потратил, могла бы и отработать.

– Я и отработала! – вспыхнула Алла и ударила себя ладонью ниже живота. – Этим местом. Ты вляпался в дерьмо, но при чем тут я? Какое ты имеешь право попрекать меня? Сам-то ты кто? Честный и порядочный? Отнюдь. Ты вор, взяточник, лизоблюд.

– Вот! – поднял он указательный палец. – Вот когда из тебя полезла кабацкая суть! Не забывай: в престижный кабак устроил тебя тоже я. Ты ж поешь, как павлин.

– Я пою прекрасно! – огрызнулась Алла, покрывшись пятнами злости. – В твой кабак ходят специально послушать меня. Тебе, кстати, раньше тоже нравилось мое пение. Что же изменилось? Так вот слушай, милый: я не хочу, чтобы заодно с тобой прикончили и меня.

Она напялила лисью шубу, которую купил ей Черкесов, – хорошо, хоть не чернобурку, запоздало радовался он, вспомнив цены, – и выскочила вон. Все ее монологи Черкесов понял как намек: выметайся, и чтобы ноги твоей больше у меня не было. Любовница! Красивое слово. От слова «любовь». Значит, любимая и любящая. Хрен с редькой – «любящая». Алка любит только деньги, престиж.

А ведь идти-то Черкесову некуда... И он остался ждать Аллу, намереваясь просить прощения. Да, Василий Романович собрался унизиться, лишь бы вернуть ее расположение. Потом он сведет, конечно, с ней счеты, а сейчас не может без нее.

На удивление, они помирились без лишних попреков и оскорблений. Алла его обласкала, накормила, спать уложила. Зато на следующий вечер...

* * *

Случается, человек приобретает дар предвидения. Это происходит очень редко и не со всеми, но все-таки на короткий миг и в экстремальных ситуациях происходит. Вдруг в сознании мелькает со всей очевидностью то, что должно произойти через минуту. Затем, почти сразу, озарение пропадает, и, если человек не успел задержать в памяти видение, последствия могут быть самые печальные, а то и смертельные.

Обычно Алла заканчивала работу в двенадцать, и примерно в половине первого она дома, иногда раньше. Но на сей раз в половине первого ее не было. Не пришла она и в час, не соизволив предупредить, что задерживается. Черкесову не спалось. Он начал одеваться, решив выйти и подождать на улице – надо же иногда и воздухом дышать. Собрался, но не выходил из квартиры, все надеялся: вот-вот она появится. Стрелки приближались к двум часам.

Терпение лопнуло, Черкесов вышел в прихожую и вдруг услышал легкий скрип ключа в замочной скважине. Алка! Однако его насторожило, что ключ вставляли в замок предельно осторожно. Если вернулась Алла, то почему открывает дверь так осторожно, словно боясь нашуметь? Не хочет потревожить спящего Черкесова?

И тут у него тревожно забилося сердце, предостерегая: опасность! Именно в этот момент у него проснулся дар предвидения, который подсказал – пришла не Алла. Он вспомнил подобный момент – это было, когда его «самурай» остановился у супермаркета. Точно так же тревожно заныло тогда в груди Василия Романовича, сжимая сердце от неясных предчувствий. Правда, тогда Черкесов не обратил внимания на предчувствие. Впрочем, оно оправдалось: в машине была бомба. Но сейчас... сейчас он ясно услышал свой внутренний голос: «Пришли меня убить».

Василий Романович находился в полной готовности к неожиданным событиям, а посему не растерялся и принял меры предосторожности. Он поспешно выключил свет в прихожей, метнулся в комнату и выключил свет там, оставив гореть настольную лампу, затем приблизился на цыпочках к входу. Двери у Аллы двойные, поставлены за его счет, а внутренняя всегда открыта, когда кто-нибудь дома, поэтому Черкесов и услышал скрежет вставляемого ключа. Он прижался телом к стене, потянув на себя эту внутреннюю дверь и таким образом прикрываясь ею. Тот, кто войдет, его не увидит.

Входная дверь тихонько закрипела. Значит, открылась. Но человек, находившийся снаружи, не торопился переступить порог. Черкесов затаил дыхание, чувствуя, как по вискам и спине катится холодный пот. Просто потоками льется!

Наконец кто-то осторожно вошел в квартиру, но Черкесов еще не видел, кто он такой, потому что этот «кто-то» остановился.

Прошел, казалось, миллион секунд...

Наконец Черкесов увидел спину мужчины – тот, осторожно ступая, шел в комнату. На пороге задержался, приподнял над плечом пистолет с длинным стволом... «Глушитель!» – панически подумал Черкесов и прикрыл глаза. Как он не додумался соорудить на кровати подобие лежачего человека?!

Открыв глаза, Черкесов заметил второго мужчину, который шел следом за первым. «Надо уходить!» – вспыхнуло в его мозгу. И он, едва первый очутился в комнате, а второй подошел к ее порогу, выскочил из квартиры, захлопнув входную дверь. У Черкесова просто сдали нервы, и он не подумал о том, что в подъезде или на улице подельщиков поджидает третий. Он мчался вниз со скоростью света, слыша, как за ним гонятся те двое. На ходу достал из кармана куртки пистолет – фактически бесполезную вещь, но все же... Пришлось несколько задержаться, открывая дверь подъезда...

Черкесов слышал топот ног по лестнице и натужное сопение. Открыв дверь, он вылетел из подъезда пулей и, не давая себе возможности оглядеться, помчался по тротуару вдоль домов. К счастью, он попал не во двор, а прямо на улицу. Вокруг стояла тишина, словно город вымер, лишь фонари светили безучастно к происходившему, рассеивая минорный свет. «Вот идиот, – подумал Черкесов, – я ведь сам настаивал на освещении города на заседаниях думы!» Теперь он понял – электричество опасно для жизни.

– Держи его! – раздался глухой крик сзади.

Разумеется, имелось в виду, что держать следует Черкесова. Он прибавил скорости, хотя быстрее бежать, кажется, просто невозможно. Визгнули тормоза, зашипели шины колес – за ним ехал автомобиль. И тут что-то цокнуло о фонарный столб...

Пуля! В него стреляют!

Черкесов побежал зигзагами, попутно выискивая, куда бы юркнуть. Еще никогда ему не было так страшно, никогда не приходилось бегать так быстро, никогда он не думал, что боевик с погонями и выстрелами придется пережить на собственной шкуре. Только в боевиках пули не попадают в героев, в боевиках пули свистят мимо, а в жизни... Следующая пуля скользнула по кирпичной кладке здания, отколов мелкие кусочки.

С Черкесовым поравнялся автомобиль. Краем глаза Василий Романович заметил, как в окно высовывается рука с пистолетом. Кажется, теперь его застрелить решил водитель. У Василия Романовича мелькнула мысль, что против него восстал весь город. На бегу он выбросил руку в сторону и выстрелил в окошко. Автомобиль повело в сторону, он заехал на тротуар и врезался в стену дома, перегородив дорогу тем двоим преследователям Василия Романовича, бежавшего уже из последних сил. И тут он достиг угла.

Поворот, еще поворот... еще...

Он попал во двор, и его объяла долгожданная темнота. Черкесов не расслаблялся, продвигался вглубь и внезапно натолкнулся на строение. Это был домик на детской площадке. Черкесов юркнул в него, упал на пол и замер. Теперь он не поднялся бы ни за какие блага, даже прямая угроза жизни не заставила бы его подняться и бежать дальше – не было сил. Он запыхался, едва дышал, но старался хватать воздух ртом как можно тише.

В домике воняло мочой, однако Черкесова не волновали мерзкие запахи. Волновали лишь люди, с таким упорством преследовавшие его, желавшие добить. Не было слышно ни голосов, ни топота ног. «Неужели не видели, куда я свернул?» – с надеждой подумал Черкесов, еще не веря в такое везение. Но и лежать без действия в смертельной опасности нельзя. Он тихонько повернулся на бок, встал на четвереньки и медленно поднял голову. Когда его глаза очутились над нижним краем окошка, он увидел вдалеке два мужских силуэта. Ни лиц, ни во что одеты преследователи, не разглядел. Они крутились на маленьком пятачке, оглядывались по сторонам, и было очевидно: цель свою они потеряли. Цель – это Черкесов. Он и «пушки» заметил в их руках. Наконец оба убийцы двинули по двору. Черкесов залег на пол, наставив пистолет на дверь избушки. До него долетали их неразборчивые переговоры, кто-то ходил недалеко, совсем рядом, но в избушку, к счастью, никто так и не заглянул. Скорей всего, не заметили ее в темноте, как не заметил сначала Черкесов. Голоса удалились и вскоре перестали слышаться.

Он не выходил из убежища до самого утра. Черкесов не чувствовал легкого морозца, ему было жарко от одних только воспоминаний о происшедшем. Когда же рассвет разогнал темень, Черкесов осторожно осмотрел двор, выглядывая из всех окошек избушки. Двор был пуст. Чуть позже люди стали выходить из домов, вышел и он из своего спасительного убежища. Пересек двор, очутился на соседней улице. Черкесов перебирался из одного двора в другой в поисках теплого места, где он сможет пересидеть день...

5

Он заснул под трубами котельной, подложив в качестве матраса картон, который отыскал у мусорных баков. А проснулся от голода. От жуткого голода, сводившего кишки судорогами.

Черкесов ждал полной темноты и в это время думал о таких простых вещах, как тепло, еда, крыша над головой, горячая вода... Всего этого у него было в избытке, теперь же стало навязчивым миражом. А деньги... Он же их практически не считал. И вдруг в один присест лишился всего! Кто он сейчас? Бомж. Совсем недавно он презирал эту категорию людей, попавших на дно, а сам оказался если не на дне, то очень к нему близко. В кармане ни шиша, за ним гонятся, чтобы убить... Хотелось закричать холодному небу: «Так не бывает! Почему со мной это произошло?» Только при чем тут небо? Что такое сделал Черкесов? И кому? Неужели каждый человек переживает нечто подобное?

Пока он не анализировал происшедшее в доме Аллы, на это у него не было ни сил, ни желания. Василий Романович потерялся, окончательно пал духом. Вдобавок его доканывал голод. Когда свечерело, он побрел к своему дому. Больше ему некуда идти. Возьмет хотя бы денег, и... он не знал, что будет делать потом, просто не знал.

Черкесов крался к собственному дому как вор, прячась за выступами домов и стволами деревьев. Очутившись рядом, он надвинул капюшон куртки на глаза, прошелся два раза вдоль ограды, изучая двор и дом. Два этажа, как у всех удачливых людей, к каким себя причислял ранее Черкесов, чернели в покое. Свет не горел, значит, никого дома нет. Черкесов посчитал, сколько времени прошло со дня его смерти. О, уж и девять дней давно отметили! Где же дети и жена? А теща? Уехала или нет? А вдруг они все махнули к теще? Вот было бы славно... Как же попасть к себе домой? И как быть с сигнализацией? Завизжит, и сразу примчится милиция. Но в таких случаях решения приходят в голову неординарные.

Черкесов обошел ограду, выбрал удобное место, где поблизости растет дерево, вскарабкался на него, затем согнул ветку и сполз по ней. Ветка затрещала, но он был уже на территории двора, сначала повис на руках, держась за ветку, затем спрыгнул на землю. Здоровенный пес подлетел к нему, узнал, завилял хвостом, повизгивая, прыгнул несколько раз, лизнув в лицо. Черкесов погладил пса, лишь бы утомонить, и теперь внимательно изучал окна, ведь дверь не открыть – ключи погибли вместе с Федькой. Сколько же решеток он тут поставил! Если учесть еще и их стоимость, то возникает сам собой вопрос: от кого оберегал он свой дом? Уж не от себя ли? Так или иначе, а войти в дом именно ему, хозяину, не представлялось возможным. Он попробовал было вскарабкаться по водосточному желобу, да соскользнул, ободрав руки.

Черкесов присел у собачьей конуры, согревая руки дыханием. Пошел снег. Эдак он окончательно замерзнет... Осталось только занять конуру пса. А родной дом, знакомый каждой плиткой, каждой дощечкой, в двух шагах. Там тепло и есть еда. В бессильной ярости Черкесов подскочил на ноги. Он должен пробраться внутрь, и баста! Мужик он или кто?

Черкесов разорвал ветхую подстилку из конуры, обмотал кое-как руки, для верности завязал в узлы и предпринял новую попытку взобраться по желобу. Балкон недалеко от желоба, может, удастся допрыгнуть? Он карабкался, съезжал вниз и снова карабкался. Это было лучше, чем сидеть и ждать, когда замерзнешь. К тому же очень хотелось есть, он бы, кажется, сейчас слона съел живьем.

Черкесов снял сапоги, остался в одних прохудившихся носках. Теперь он полз вверх, обхватывая желоб ступнями. И добрался до второго этажа, где замер, не рискуя прыгнуть. Ноги быстро леденели. Отчаяние заставило его собрать силенки, и... Черкесов прыгнул, ухватился за прутья, соскользнул, повиснув почти у основания балкона, больно стукнувшись бедрами. Ну, падать не так уж и далеко, однако заново повторять тот же маневр сил уже не хватит. Он поднапрягся, заболтал ногами, стараясь забросить их на выступ. С третьей попытки это

удалось. Черкесов немного отдохнул, перелез на балкон. Дверь заперта. Другого он и не ожидал. Тогда Василий Романович получше обмотал кулак тряпицами и врезал по стеклу. Стекло со звоном разбилось, посыпались осколки. Второе, внутреннее, стекло он разбил увереннее и через минуту был уже в спальне.

Он закрыл балконные двери и завесил проем одеялом. Затем отключил сигнализацию, подобрал снятые сапоги во дворе и заперся, плотно занавесив окна шторами. Первое – холодильник. Черкесов ел все, что попадалось под руку, не удосужившись нарезать мясо или колбасу, а отгрызая прямо от батонов и кусков да запивая минеральной водой, чтобы протолкнуть пищу в желудок. Потом пошел в ванную и долго грелся под душем. Черкесов переоделся в чистое белье, надел свитер, джинсы, теплые носки, словно собирался уходить. Нет, он решил встретить ненаглядную жену в приличном одеянии. Сделав себе кофе и взяв половину торта из холодильника, расположился в гостиной перед телевизором, чувствуя райское блаженство.

А на экране шло полным ходом веселье. Надо же, кому-то весело. О, черт возьми! Сегодня ведь старый Новый год! Черкесов достал из бара бутылку виски, ром, martini, смешал коктейль, не соблюдая ни одной из известных миру рецептур, улегся в кресло, положив ноги на журнальный столик, и медленно потягивал коктейль, глядя на экран. Теперь он ел медленно, хотя есть уже не хотелось. Как говорят в народе, за него ел рот. Незаметно задремал...

Очнулся Черкесов от хлопка входной двери. Взглянул на часы – половина третьего ночи. Ничего себе! Где же это гуляла вдова? И где дети? Он решил приготовить жене сюрприз. Быстренько погасил торшер и замер, разместившись в кресле напротив двери. В прихожей жена долго возилась, бурча что-то под нос – то ли напевала, то ли ругалась. Наконец дверь распахнулась, в проеме обозначился силуэт в норковой шубе до пят. Жена нащупывала выключатель. Щелчок – и она уставилась на человека в кресле. Он приветливо улыбнулся:

– Со старым Новым голом, Лариса!

Пауза длилась бесконечно долго. Во время оной Лариса широко раскрывала глаза и рот. Казалось, дальше им уже некуда открываться, но тем не менее эти черты лица все увеличивались, приобретая громадные размеры, а остальные уменьшались. «Она красивая женщина, статная, с прекрасным вкусом, который, правда, поглощает уйму денег, – думал Черкесов. – Характер у женушки сатанинский. Обертка красивая, а нутро Бабы-Яги, вечно и всем недовольной. Что бы я ни сделал, все не так. Советами меня долбила с утра до вечера, потому я и старался поменьше бывать дома. Но она, жена, не должна бросить в беде мужа-добытчика, отца ее детей. Однако какого черта она вылупилась и молчит? Не узнала? Это смешно».

– Лариса, это я, твой Вася, – сказал он уже с раздражением.

И вдруг Лариса завизжала, заметалась по гостиной, схватившись за голову. У Черкесова создалось впечатление, что она ищет выход, только забыла, где тот находится, потому пронеслась мимо двери, взглядывала на мужа и вновь принималась визжать. Он подскочил с кресла, кинулся к обезумевшей жене, испугавшись ее воплей:

– Лариса! Прекрати! Это уже глупо, наконец.

Но Лариса уносилась от него, панически бегала по гостиной, перескакивая через препятствия и не переставая визжать.

– Да заткнись же ты, черт возьми! – гаркнул Черкесов. Он поймал жену и толкнул на диван. Она поползла по дивану, намереваясь вновь удрать. Он схватил ее за ногу, дернул на себя и обнял. – Лариска, это же правда я, Вася! Ну, посмотри на меня! Я живой.

Уговоры не возымели должного действия. Лариса отбивалась от него руками и ногами. Черкесову пришлось врезать ей пощечину. На миг Лариса замерла, и тогда он выпалил, чтобы жена не успела опомниться:

– Я живой, ты слышишь? Жи-вой! Меня не убили! Поняла?

Она закивала головой, мол, поняла, но по всему было видно, что до нее не дошли слова мужа – в каждом глазу по ужасу, подбородок дрожит. Черкесов налил в бокал виски, протянул

ей. Лариса, захлебываясь, так как ее трясло, выпила все, посмотрела на мужа, не веря, что перед ней действительно он. Черкесов погладил ее по щеке и сказал тихо, спокойно, елеяно:

– Ну вот. Тебе легче? Хорошо. Меня не убили. Взорвался Федька, мой старинный приятель, а не я. Ну, ты должна помнить его, он работал грузчиком в магазине напротив. Помнишь?

– Не помню, – вымолвила потрясенная Лариса. – Ты кто?

– Вася я, Вася, – потерял терпение Черкесов. – Неужели ты так глупа, что думаешь, будто я не я, а призрак? Почему ты мне не веришь? Я не призрак, я настоящий!

– О! О! – застонала она, закрыв ладонями лицо. Потом резко убрала руки, всматриваясь в него. – Как же так... Почему?

– Боже! – взревел он, подскочив. – Знаешь, это уже выходит за всякие рамки... Ну, посмотри на меня! Потрогай! Я теплый! Покойники теплыми не бывают!

– Васька... – протянула она, все еще не доверяя своим глазам. – Невозможно...

– Еще как возможно! – воскликнул он. – Лариса, я прятался. Сообщить не мог. Меня хотели убить, взорвали машину, но не убили. Представь, вышел на минуточку... а машина взлетела на воздух! Так что не удалось меня убить. Потом второй раз хотели... – У Черкесова чуть не вырвалось, где именно его хотели убить второй раз. Он подсел к ней, обнял. – Я жив. Милая моя... я так скучал... Знаешь, мне тебя не хватало. Я понял, что ты и дети – самое дорогое на свете для меня... А где ты была? Почему вернулась так поздно?

– У подруги... тебя поминали.

Лариса отстранилась, пересела в кресло напротив и теперь сама налила в бокал виски. Выпила, разглядывая мужа по частям, с головы до ног и качая головой. Постепенно до нее доходило, что муж на самом деле жив, она медленно отходила от шока. Налив себе третью порцию спиртного и выпив, Лариса глухо выговорила:

– Ты рехнулся? Я чуть разрыв сердца не получила. Нельзя было подготовить? Ой... – схватилась она за грудь. – Это просто... Где же ты ошивался? Почему не сообщил мне? Мы же тебя похоронили!

– Я был в деревне, в доме моего отца. Понимаешь, я сам был потрясен. «Самурай» взорвался прямо у меня на глазах... Не осталось ни денег, ни телефона, ни ключей, ни документов. Лариса, что об этом говорят? Следствие идет?

– Конечно, идет, – буркнула она сердито. – А говорят... разное. Будто тебя заказали конкуренты. Некоторые считают, что из-за депутатской деятельности... Только я не вдавалась в подробности, кого именно подозревают. Знаешь, мне было не до того. Похороны – это дело не из приятных. Тебя похоронили в закрытом гробу на почетной аллее на военном кладбище.

– Спасибо, – язвительно буркнул он. – Так сказать, погиб на поле битвы за демократию. А где дети? Почему их нет дома? Каникулы уже закончились...

– Они уехали к моей маме. Отдохнуть после стресса. Как-никак убили их отца. С директором школы я договорилась, приедут через месяц.

– Так... – хлопнул руками по коленям Черкесов. – Хорошо, что их нет. Значит, тебе неизвестно, что послужило причиной моего убийства?

– Я же сказала, – раздраженно бросила Лариса. – Ничего не знаю. Что ты собираешься делать? Как будешь выпутываться?

– Хороший вопрос... – В возбуждении Василий Романович заходил по гостиной. – Только выпутываться предстоит тем, кто меня заказал, а мне выпутываться не из чего. Завтра ты пригласишь домой следователя, мне нельзя показываться в городе, за мной уже охотятся. Представь, как-то узнали, что я жив. Ну, те, кто меня убивал, хотели вторично прикончить... Лариса?!

Прямо перед собой он увидел дуло пистолета. Его жена, с которой он прожил столько лет, с которой нажил двоих детей, которая высасывала из него деньги на всякую дрянь, как

жирная пиявка, которую он вывел в люди, одел-обул, золотыми цацками забросал... Вместо благодарности его благоверная наставила дуло пистолета на своего мужа!

– Лариса, – проговорил он недоуменно, – это неудачная шутка.

– Как и твоя с воскрешением, – огрызнулась она. – Ну, вот что, дружок, вали отсюда, и как можно дальше, пока я не прикончила тебя.

– Ты в своем уме? Дорогая...

– Я тебе давно не дорогая, – не дала ему говорить Лариса. – Тебя нет, убили? Вот и замечательно, пусть тебя и не будет. Пошел вон! Я выстрелю, если не уберешься. Считаю, я даю тебе шанс.

– Лариса... – глупо хохотнул Черкесов. – Ты? Это ты? Нет... это не ты.

– Я, Вася, я, – жестко и четко выговорила она. – Сомневаешься, что смогу убить тебя? Напрасно. От выстрелов людей сдерживает одна-единственная вещь: найдут, будет суд, затем тюрьма. Но тебя-то нет! Никто не будет искать убийцу покойника.

– Ты пьяная, лапонька. Проспишься, и все будет хорошо.

– Пьяной легче убить. – И Лариса прицелилась. – Уй, как мне хочется выстрелить в тебя, просто непередаваемо. Убирайся, пожалуйста, а то я за себя не ручаюсь.

– А куда ты денешь мой труп? – выкрикнул Черкесов.

– Да куда угодно. Закопаю. Или расчленю, а потом выкину.

– Ты не сделаешь этого, – погрозил он пальцем.

– Почему же, милый? – ядовито сказала Лариса, хищно прищурившись. – Еще как сделаю! И буду получать удовольствие, кромсая тебя на части. На маленькие части.

– Лариска! – обалдел он. – За что ты меня ненавидишь?

– За подлость, Васенька. Всю жизнь я с тобой провела, как на пороховой бочке. Да я благодарна тому, кто тебя убил! Вернее, попытался убить. К сожалению, попытка не удалась. Ты всегда относился ко мне как к дешевой тряпке. А я не тряпка. Я пережила твои попреки и твои похождения, когда после банкетов ты возвращался как свинья пьяный, а пахло от тебя духами и...

– Ну, я же танцевал на банкетах...

– Ты не только танцевал. Думаешь, я не знаю твоих любовниц? Последняя – намазанная певичка, пошлая, грязная и бездарная. Мы встретились с ней в одной компании, она не знала, что сплетничает с женой любовника, но похвастаться своей связью с тобой не преминула. Алла мне много чего рассказала, а также поведала, что ты – лох в постели.

– Неправда! – неуверенно возразил он.

– Правда, правда, – ухмыльнулась жена. – Я это подтверждаю где угодно и под присягой. Ну, не половой гигант ты, Вася, а туда же, по бабам бегаешь. Ты же только о себе заботишься, на женщину тебе плевать. Почему-то уверен, что ты осчастливил бабу тем, что лег с ней. А потом – отстрелялся и дрыхнешь...

– И это моя жена? – негодовал Черкесов. – «Отстрелялся»! Фу, мерзость!

– Еще она рассказала, как ты отзывался обо мне, матери твоих детей. Пошляк! Такие подробности она не могла получить с потолка. И думаешь, мне приятно было ложиться с тобой в одну постель? Думаешь, я не знала, кому и что ты покупаешь? А родному сыну запрещаешь сидеть за компьютером...

– Я берегу его глаза!

– Дорогой, это дерьмовая отговорка. Просто тебе постоянно нужно показывать свою власть. Хоть над кем-нибудь власть. И в этом смысле семья – подходящий полигон для тебя. Как же, ты нас содержишь, имеешь полное право унижать, запрещать, наказывать, попрекать... Ишь, благодетель! Ты забыл, что содержать семью – это твоя обязанность, как всякого нормального мужчины. И вдруг тебя убивают. Я не рыдала, поверь, потому что почувствовала освобождение. Мне нравится жить без оглядки на тебя, пользоваться деньгами, которые ты

нахапал, потопив множество партнеров. И ты удивлен, что кто-то посмел тебя убить? Короче, исчезни. И живи как сможешь. Начни сначала.

– Лариса... – жалобно произнес Черкесов. – У меня нет даже документов, ты не можешь выбросить меня на улицу...

– Могу, – заверила она. – Это будет лучшим тебе наказанием, заодно не возьму грех на душу. А ты попробуй с нуля начать, ничего сложного тут нет. Ты же сам об этом не раз долдонил. Вот и докажи, что действительно сможешь. Но если ты будешь упрямиться, если не уберешься, я убью тебя, дорогой.

– Ну ты и стерва...

– А как же! – криво усмехнулась Лариса. Ей нравилась новая роль. – Ты и сделал меня стервой. Ну, хватит давить на совесть. Ты меня избавил от «атавизмов», как ты говоришь. Выметайся навсегда!

– Дай хотя бы до утра...

– Не дам! – гаркнула она. – Не дам, потому что надеюсь, что тебя уже подкарауливают у нашего дома и наконец-то прикончат в самом деле до смерти. Вот ведь живучий! Его взрывают, хоронят, а он – вот он! Целехонек! За что мне такое невезение?

Черкесов растерялся. Нет, он был потрясен. Только-только ощутил почву под ногами, вернувшись домой, – нате вам, подарочек от родимой жены в виде пистолета, угроз и цинизма! Пригрел гадюку, не разводился, хотя так хотелось избавиться от этой гарпии. Но детей жалел. А не она ли заказала его? Впрочем, не с ее мозгами и трусостью пойти на такой зверский шаг. И прогоняет потому, что не решается выстрелить, кишка тонка. Убить – это ж непросто. Тем не менее мир для Черкесова померк. Получалось, что он никому не нужен, мало того – всем мешает.

– Хорошо, я уйду, – взревел он. – Только деньги возьму...

– Ты ничего не возьмешь из этого дома.

– У тебя совесть есть? – закричал Черкесов. – Здесь все мое! Мое! И тряпки, которые на тебе, куплены на мои деньги! – В ответ на вопли мужа Лариса подняла пистолет выше и прицелилась вполне серьезно. Он с опаской попятился, а то вдруг у нее произошло разжижение мозгов от счастья, что мужа грохнули, возьмет и вправду застрелит. – Ладно, ладно! Я ухожу.

Он рванул в прихожую, натянул старую дубленку и вернулся в гостиную, чтобы обрушить проклятия на голову жены. Лариса держала возле уха телефонную трубку, и Черкесов услышал последние фразы:

– ...выдает себя за моего мужа. Приезжайте срочно...

Договорить ей не удалось, так как Черкесов накинулся на негодяйку, одновременно нажав на рычаг телефонного аппарата:

– Ах ты тварь! Я задушу тебя... гадюка змеиная...

В короткой борьбе он оказался победителем, ибо сил ему прибавляли негодование и возмущение человеческой подлостью. Черкесов вырвал из руки жены пистолет, отхлестал ее по щекам. Лариса брыкалась, вопя:

– Ненавижу! Дерьмо собачье! Убирайся!

Черкесов понимал, что времени нет, отбросил от себя жену, схватил ее сумочку, вывалил содержимое на стол и забрал деньги. Уходя, зло бросил:

– Живи, если сможешь. Тварь!

Вылетев на улицу, он перебежал через дорогу и скрылся за газетным киоском напротив. И очень вовремя – к его особняку полминуты спустя подъехала милицeйская машина. Черкесов дворами пошел к железнодорожному вокзалу, матерясь от всей души, как не матерился ни разу.

6

С того вечера, как Андрей отвез Черкесова в город, Лиза виделась с ним один раз: он принес текст на перевод, был таким, как обычно, – общительным, веселым. И не единого намека на то, что он имеет на Лизу виды, близко не было.

На следующий день Андрей уехал по делам. Значит, с его стороны тот эпизод в бане – сиюминутно нахлынувший порыв, несерьезный, позже он одумался. Она краснела от стыда, ругала себя нехорошими словами за собственную слабость, за то предложение. И решила, что подобного больше не повторится. В конце концов, чего ей не хватает? Мужиков? Жила без них, проживет и еще. Есть дочь, есть дом, работа. Этого вполне достаточно, чтобы жить и радоваться. Мысленно даже благодарила Андрея, ведь он не позволил расслабиться ни ей, ни себе. Но где-то в глубине души иногда свербело: что-то во мне не так, почему я никому не нужна? Но Лиза тут же укрощала себя.

Однажды утром она готовилась к школе, Вероничку забрала баба Нюра. Лиза собралась и только закрыла дом на ключ, повернулась, чтобы идти... да так и обомлела. У калитки стоял Черкесов собственной персоной! Виновато потупившись, он поглядывал на Лизу исподлобья, от былой его самоуверенности не осталось и следа. Лиза не обрадовалась его появлению. Та же баба Нюра видела, что однажды джип Андрея стоял до утра возле ее дома, не хватало, чтобы еще одного мужика заметила. Тогда начнется! Лиза подошла к Черкесову:

– Почему ты вернулся?

– Лиза... – протянул он натужно. – Меня все предали, все. И все хотят убить. Разреши пожить у тебя... в бане. Это ненадолго. Подключу газ в доме отца и сразу перейду туда. Мне надо все обдумать... Лиза, мне очень, очень плохо.

– Ну, иди. – И она нехотя открыла калитку. – Вернусь не скоро. Ключ возьмешь под крыльцом, когда захочешь есть. Только у меня деликатесов не водится.

– Спасибо... – проникновенно, со слезой в голосе, произнес Василий. – Да, Лиза! Желательно, чтобы обо мне никто не знал. Даже этот... Андрей.

Она не пообещала выполнить его просьбу. Вообще ничего не сказала, а пошла по натопанной в снегу дорожке, ни разу не оглянувшись. Он смотрел вслед и понимал, что внес в ее жизнь некоторый диссонанс. Да только куда ж ему деться? В доме отца замерзнет, а другого убежища у него просто нет. Можно было бы пожить на даче, да разве дача надежное убежище? Лариска и зимой навевается на дачу. Увидит мужа, выкурит и оттуда. Кстати, там и людей нет, неприятно, когда вокруг пусто. Тогда чудится, что ты один на всей планете. А Черкесову необходимо общение, он, оказывается, не может без людей.

В бане Черкесов сбросил дубленку, матрас нашел свернутым в углу, перенес его в теплую и сухую парную, лег. Не спал прошлую ночь, а уснуть не получилось. Он сел, глядел в окно и думал, где искать поддержки и помощи. Ну, есть парочка друзей, завязанных с ним на бизнесе... Может, к ним обратиться? Вряд ли они обрадовались его кончине, потому что благодаря Черкесову имели хорошо оплачиваемую работу. Без патрона они всего этого лишатся, так как Лариса наверняка погонит всех, кто работал с мужем. Собственно, отношения Черкесова с приближенными к его особе людьми дружбой нельзя назвать. Дружба – это когда людям приятно общество друг друга, когда интерес друг к другу основан не на выгоде, а просто так, когда можно быть самим собой, без маски.

Как раз таких друзей у Черкесова вообще нет. Если уж родная жена предала, то подчиненные само собой предадут. Им надо, чтобы платили побольше, так что они сдадут Черкесова той же Ларисе, мечтающей избавиться от него. Значит, теперь он для них человек бесполезный, и на их помощь он рассчитывать не может. Вдруг Василием Романовичем овладела злоба, какой он раньше не знал.

Черкесов вышел в предбанник и курил, чуть приоткрыв дверь.

Да, стерва Лариска права: ему предстоит одному выпутываться, если хочет жить. Никто не поможет. Как же докатился он до жизни такой, что ни на друзей рассчитывать не имеет права, ни на жену? А может, все дело в нем? И начал Черкесов перебирать свою жизнь от корки до корки, ища причины. Ведь в чем-то есть она – причина, из-за чего его хотят прихлопнуть. И причина наверняка в нем самом, а не в ком-то.

Черкесов понял, что следует отбросить ценность собственного «я» и пересмотреть себя, иначе не отыскать ему точку отсчета, которая наведет на след. Как же трудно это сделать! Ведь он жил, полагая, что по-другому жить нельзя – затопчут. Он всегда действовал осторожно, частенько исподтишка. Его уважали в определенных кругах. А в неопределенных? Вон жена – та просто ненавидит его лютой ненавистью, а он этого не замечал. Следовательно, есть еще люди, ненавидящие его. А зависть? Кто может ему завидовать? Да практически все известные личности, за редким исключением.

Наверное, только Бабуин-Бубулин к нему и ко всем одинаково относится. Во всяком случае, без предвзятости. Он тоже числится в друзьях Черкесова. Вот ведь как получается: над Прошей Бабуином потешаются, в дураках держат, и Черкесов придерживался того же мнения, а единственный, кто отличается порядочностью из знакомых, – Бабуин! Этот не продал бы Черкесова, он старой закалки, человек морально выдержанный. Жаль, помочь ничем существенным не может, так как не владеет информацией, с кем и чем связан Черкесов. Да уж, одному придется разгребать, одному...

Василий Романович вернулся в баню, лег и до вечера находился в том состоянии, когда безнадежность захватывает с каждым часом сильнее и сильнее. Цепь событий после взрыва «самурая» никак не связывалась в голове. То, чем он гордился, что считал своим достоинством, чем кичился, полетело в тартарары. И пришел он к выводу, что жизнь страшна не переменами, а необъяснимостью. Когда понимаешь, что тебе пришел конец, а причин не видишь. Он курил и думал, не ощущая голода.

Вечером в дверь бани постучалась Лиза, потом заглянула к нему:

- Ты живой?
- Живой, – отозвался он.
- Почему свет не включил?
- Не нужен.
- Идем в дом, поужинаешь.

Черкесов поднялся, послушно проследовал за Лизой в дом. На столе дымились картошка, стояли соленья, сливочное масло и простокваша. Черкесов ел без аппетита, изредка косясь на Вероничку, лепетавшую о том, сколько нарядов ей удалось сшить для новой куклы.

- У тебя красивая дочка, – сказал он, чтобы как-то наладить с Лизой контакт.
- Дети все красивые, – обронила она, явно не желая говорить с ним.
- Ты одна живешь? А где муж?
- Развелась, – соврала Лиза.
- А кто тебе Андрей?
- Знакомый. Что тебя еще интересует?

Черкесов смутился. Лиза, конечно, не рада ему. А еще недавно он был желанный гость у всех без исключения. Перед ним заискивали, добивались его дружбы, протекции, покровительства, к нему задолго записывались на прием. Как же быстро наступают перемены, необъяснимые перемены! Вообще-то с какой стати Лиза должна прыгать вокруг него? Сейчас он в роли нахлебника. Вспомнив об этом, Черкесов достал купюру в тысячу рублей из тех денег, которые он забрал у жены, положил на стол:

– Лиза, возьми. У меня просьба: обратиться в газовую контору, чтобы подключили газ в доме отца. Если не хватит, у меня есть еще немного.

– А зачем так много?
– Ну, купишь... что нужно. Продукты, например, девочке конфет...
– У нее все есть, – отрезала Лиза и повернулась на раздавшийся стук в дверь: – Открыто.
– Лиза! Куда мне спрятаться? – подскочил Черкесов, но не успел и шага сделать, лишь свалил стул, на котором сидел.
– Всем добрый вечер! – вошел Андрей, снимая шапку, и замер на пороге. Надо сказать, лицо у него заметно вытянулось и стало недружелюбным, когда в поле его зрения попал Черкесов. – Я, кажется, помешал? Извините.
– Не помешал, – нахмурилась Лиза, искоса поглядывая то на Черкесова, то на Андрея. – Садись к столу.
– Спасибо, я за переводом, – буркнул Андрей.
Лиза ушла в комнату, вернулась с листами, отдала их Андрею, тот попрощался и ушел. Она молча начала собирать со стола, Черкесов наблюдал за ней...

* * *

Андрей отъехал на небольшое расстояние, позвонил по сотовому:
– Назар? Вези ночник... Для дела! Я у дороги на станцию.
Он положил сотовый в карман и ждал, не спуская глаз с дома Лизы. Вскоре услышал звук мотора, это на «Ниве» прикатил Назар. Андрей забрал бинокль, приставил к глазам, направив на двор Лизы. Назар заметил:
– Слежка за частным лицом карается законом.
– Лучше заткнись, – вяло бросил Андрей. – Я злой сегодня...

* * *

От неловкости Черкесов стал помогать Лизе убирать со стола, чего раньше никогда не делал, и разбил стакан. Лиза молча собрала осколки, бросила в мусорное ведро. Чтобы замять инцидент, он нарушил паузу робким вопросом:
– Он что, приревновал тебя ко мне?
– Не говори ерунды, – раздраженно ответила она.
– Хочешь, скажу ему, что между нами ничего нет?
– Не лезь не в свои дела. Знаешь, иди-ка ты... в баню!
Черкесов оделся и вышел во двор...

* * *

Андрей дождался, когда Черкесов закроет за собой дверь бани, опустил бинокль и довольным тоном произнес вслух:
– Порядок. Поехали домой.

* * *

С газом вышла заминка: у Лизы ведь не было документов на дом Черкесова. Два дня она безрезультатно пыталась добиться подключения, пока кто-то не посоветовал дать взятку. Ну, а она сообщила об этом Черкесову, ведь платить придется ему.
– Ну, конечно! – воскликнул он, так как ему неприятно было положение нахлебника. И вдруг вспомнил, что теперь не является обладателем больших денег, и добавил: – Только в

разумных пределах. Ну и народ у нас – всем только дай! – И осекся, потому что вспомнил, как сам неоднократно брал... благодарность, выраженную в денежной сумме.

Снаружи слышался звук мотора, затем тормозов. По привычке, свойственной деревенским жителям, где всякое движение вызывает любопытство, Лиза подошла к окну посмотреть, кто приехал. Но машины у забора не было, тогда Лиза перешла к другому окну и попросила выключить свет: с этой стороны улица не освещалась, в темноте она ничего не разглядела. Когда Черкесов выключил свет, Лиза сообщила:

– Какие-то люди входят в твой дом...

– Кто?! – подскочил со стула он и бросился к Лизе.

– Не знаю, – ответила она. – Это не наши... Вошли.

– Они за мой! – задохнулся Черкесов. – Найдут меня и... убьют!

– Не дергайся, – проговорила Лиза, направляясь к вешалке. Она торопливо накинула пальто, затем пуховый платок. – Сиди здесь тихо и выключи свет в комнате Веронички. Побудь с ней, она боится без света.

– А ты куда?

– К соседке! Иди к дочери и замри.

Лиза вышла на крыльцо, заперла дверь на ключ и неторопливо направилась к калитке. Открыв ее, вздрогнула от голоса рядом:

– Хозяйка, не скажешь нам...

– Господи, как напугали! – ахнула она, схватившись за грудь. Возле ее забора стояли два молодых человека. – Нельзя же так неожиданно... Что вам?

– Не скажете, в соседнем доме живет кто? – спросил ближний.

– Это ж где? – прикинулась, будто не поняла, Лиза.

– Да вон тот дом, с вами по соседству, – указал парень рукой на дом Черкесова.

– Там давно не живут люди, – затараторила она. – Дед умер два года назад, а наследники дом бросили. Никто не покупает у них, дорого запрашивали.

– А вы давно видели наследников?

– Давно. Года полтора назад последний раз.

– Странно... – сказал второй. – А дом-то открыт. И люди там были. Окурки и остатки еды на столе.

– То-то мне показалось, что однажды у соседей по двору бродил человек. Это было ночью. А кто бродил – не рассмотрела. Значит, не показалось.

– А почему дверь открыта?

– Откуда ж мне знать?! – удивленно пожала плечами Лиза. – Свой дом я закрываю, до остальных мне дела нет. А вам кого надо? Может, подскажу, где искать.

– Да так... – замялся первый. – Пригласил один друг в гости, указал этот адрес, а самого нет дома. Наверное, мы ошиблись. Это деревня Петровка?

– Нет, Гороховка.

– А черт! Не туда заехали! – делано радуясь, сказал первый.

Лиза проводила их взглядом и побежала к бабе Нюре позвонить.

Андрей приехал незамедлительно. А к кому еще обращаться Лизе? Ведь те двое явно не ошиблись, приехали куда надо – искали подпольщика Черкесова. О том, что он прячется у нее, знает один Андрей, и Лиза обратилась к нему по единственной причине: мужчины способны лучше понять друг друга и договориться. Ну что, что она может сделать? Ровным счетом ничего. Черкесову грозит опасность, и, какой бы он ни был, убивать его – это чудовищно.

Лиза пересказала диалог с двумя чужаками, Черкесов помалкивал, находясь в состоянии полнейшей паники. Правда, панику он загонял глубоко внутрь, ведь неудобно показать при даме трусость. Тем не менее его выдавали мелкие, суетливые движения. Андрей слушал, нахмурившись, а после ее короткого рассказа задал вполне законный вопрос:

– Не понимаю, что ты от меня хочешь, Лиза?

– Ну... – чуточку растерялась она, ибо сказать в лоб: «Возьми Василия под свое крыло», – язык не поворачивался, ведь своего отношения к Черкесову Андрей не скрывал. Все же нашла нужные слова: – Дело в том, что рано или поздно Васю заметят. Я не думаю, что те двое оставили надежду отыскать его здесь. Когда они узнают, где он прячется, убьют. Скажу честно, пересуды мне тоже не нужны. Я педагог, и мне не безразлично, что думают обо мне в деревне, где каждый человек как на ладони. Ну, спрячь его где-нибудь... у тебя же мест полно. Ну, пусть коровник сторожит, например. – У Черкесова при ее последних словах непроизвольно расширились глаза: мол, я и коровник – это же нонсенс! Лиза заметила его реакцию и спросила: – А чем тебе, Вася, не нравится коровник? В твоём положении – не до жиру, быть бы живу! – можно и коров посторожить.

– Значит, ты хочешь, чтобы я помог ему? – уточнил Андрей. – А что ты так о нем печешься? Он тебе брат, сват или... кто?

– Он мне никто! – отчеканила Лиза, покрывшись пятнами. На ее белокожем лице они сразу очень заметны. – Если ты намекаешь на... это нелепо и пошло.

– Я не намекаю, – с флегматичным спокойствием сказал Андрей. – Я просто хочу знать, чем тебе дорог этот человек, что ты так рьяно заботишься о его судьбе.

– Что ты несешь! – все больше распалялась Лиза. – Он же живой человек, а его хотят убить. Разве этого недостаточно, чтобы помочь ему?

– Так вот, Лиза, этот человек, когда к нему обращались такие, как я, плевал на нас. Не помнишь, Черкесов? Вася тебя зовут, что ли, да? Три года назад наша тройка, я и мои друзья, обращалась в ваш депутатский корпус с нижайшим прошением, чтобы нам помогли организовать фермерское хозяйство. Да к ним же не подступись, они слышат, только когда у них перед носом баксами машут! Так, Василий Романович? Ты же нам и объяснил тогда доступно, что в нашем предложении нет заинтересованных лиц, что надо «подмазать» кое-кого... Из ваших депутатских дармоедов один нашелся приличный человек, ставший на нашу сторону безвозмездно... Как же его... Бубулин! Он-то и помог: нашел директора колхоза, который сдал нам в аренду хозяйство. Остальные скучали, слушая нас, так как с нас нечего было поиметь. А мы просили убитое хозяйство. Обошлись без тебя и таких, как ты, как видишь, потому что мир не без добрых людей. Лиза, к чему я это говорю... Этот парень, – указал Андрей на Черкесова, – наверняка сильно добивался, чтобы его в расход пустили.

У Черкесова ходили желваки на скулах, а крыть было нечем. Он не помнил тот эпизод, о котором говорил Андрей. Перед ним проходило несметное количество людей, обращавшихся с просьбами и жалобами, с угрозами и предложениями, а то и просто так надоедавших по поводу какой-нибудь полной ерунды. Разве всех упомнишь? Даже приметный шрам Андрея не отложился в памяти Черкесова.

– По-твоему, пусть его убивают? – растерялась Лиза. – Тогда извини, Андрюша, за беспокойство.

– Выгоняешь? – удивленно поднял брови Андрей. – А ты подумала, чем чревато для тебя и Вероники укрывательство этого типа?

– Знаешь, я об одном только сейчас думаю: он человек, и я не могу допустить, чтобы его так вот взяли и убили. Даже если он очень плохой, я постараюсь найти ему безопасное место.

– Ну, вы, ребята, даете! – наконец подал голос и Черкесов. – Обо мне в третьем лице. Говорите, как будто меня и вправду уже нет тут. А я, между прочим, здесь нахожусь.

– Заткнись, тебя пока не спрашивают, – отбрил Андрей и остановил пристальный взгляд на Лизе. – Значит, ты у нас такая...

– Не буду спрашивать – какая, в твоей фразе прозвучал явный негатив, – задиристо сказала она.

Андрей некоторое время сидел, сосредоточенно теребя край шапки, затем из-под насупленных бровей кинул в Черкесова убийственный взгляд и процедил:

– Собирайся, со мной поедешь.

Очень не хотелось Черкесову ехать с этим человеком, а что делать, где выбор? Он теперь не хозяин себе, он теперь пес бездомный, которого к тому же ловят живодеры. Василий Романович поднялся из-за стола, начал неохотно одеваться.

– Может, лучше завтра днем его забрать? – спросила Лиза. – Боюсь, те двое не уехали, узнают, куда ты его отвез...

Андрей достал мобильник, набрал номер:

– Назар? Тащи ночник. Я у Лизы. Подъедешь, прощупай округу на предмет чужаков, потом позвонишь мне. Ничего не случилось, так надо. Жду.

Спустя двадцать минут Назар сообщил: чисто. Андрей и Черкесов сели в джип, Назар поехал за ними на «Ниве».

* * *

Являясь холостяками, Андрей, Назар и Григорий решили, пока не обзавелись семьями, жить вместе. Они купили в складчину небольшой дом на другом конце деревни, тоже на окраине, отремонтировали его и занялись выполнением собственной программы, поставив перед собой главную цель – восстановить погибшее хозяйство и добиться максимальной прибыли. Под прибылью они понимали избавление от долгов, расширение дела, материальное благополучие. А кто ж его не хочет, материального благополучия?

Конечно, проза жизни не заставила себя ждать: кругом грязь, навоз, ежедневно, без выходных, от зари до зари на ногах, тяжелый и далеко не романтический труд, болезни животных... Это дело не каждому по плечу. Но слишком велико было желание парней не остаться на обочине жизни. Они не считали для себя зазорным спросить стариков, как да что надо делать, интересовались новшествами и работали не покладая рук. Поначалу все делали сами, теперь больше руководят, но не гнушаются и снова, если надо, взять вилы с лопатой.

Самый старший из них Гриша. Ему тридцать четыре, он молчаливый, добродушный и очень большой. С женой развелся давно, не выдержала она постоянных отлучек мужа и переживаний за него, ушла к другому. Гриша главенствует над техникой. Починить, исправить, а то и убрать лишние детали в аппарате, чтобы тот лучше работал, – это его поле деятельности. Даже когда он ремонтирует телевизор или утюг, у него странным образом остаются лишние детали, которые он долго рассматривает и не понимает, для чего эту загогулину вставили. Но и телевизор, и утюг, и сепаратор работают после ремонта как часы. Еще Гриша любитель животных, посему рьяно изучает ветеринарное дело, тщательно следит за работой местного ветеринара, когда того приглашают, если животные болеют. А вот когда скот забивают, он убегает далеко – не выносит убийств. Собственно, ради его любви к живности Андрей решил приобрести молочные породы: пусть тешится и знает, что его коров не забьют на мясо.

Назар – самый молодой, сухощавый, черноглазый, смуглый. На четверть русский, на четверть украинец, на четверть еврей и еще на четверть армянин. Как говорит Андрей, Назар – кварталонец, отобравший из всех наций самые полезные качества. Не существует человека, которого Назар не уболтал бы. Он имеет способность так забивать баки, что собеседник попросту теряется и делает, как хочет Назар. В хозяйстве он ведет бухгалтерию. Черную тоже, без нее же не обойтись в нашем славном государстве. Прекрасно владеет компьютером, к крестьянскому труду не очень тянется, но не отказывается помочь. В свободное время Назар перебирает струны гитары, неплохо поет. Любит женщин. Можно сказать, очень любит. Они его тоже.

А Андрей – голова. Идея заняться фермерством принадлежит ему, он же и руководит всем хозяйством, изучает спрос и потребителя, ведет расчеты, нанимает людей, договаривается

о сбыте продукции, занимается арендой, добывает деньги в долг и расплачивается с долгами, изучает новые технологии. Андрей – человек общительный, но в то же время скрытный. Что у него на душе делается, никто не знает, в том числе и друзья.

* * *

В доме-общежитии трех друзей было по-армейски опрятно, ничего лишнего. На каждого из фермеров по комнате, четвертая – проходная, значится как гостиная. Есть и небольшая кухня. Черкесова Андрей положил на диване в своей комнате и велел ему спать. А утром подъем в семь, потому что зима, а весной и летом вставать приходится значительно раньше.

Утром за завтраком Андрей посвятил всех:

– Этому нехорошему человеку надо помочь выжить.

Черкесов аж поперхнулся от подобного представления, однако стиснул зубы и промолчал. Фраза Андрея удивила и Назара с Гришей, первый поинтересовался:

– А в чем должна заключаться помощь?

– У него и спросим, – повернулся корпусом к Черкесову Андрей. – Так что от нас требуется? Ты говори, Василий Романович, не стесняйся.

– Не знаю, – насупившись, произнес Черкесов. Ему не хотелось просить о чем-либо этих незнакомых ему и странных людей, но и что делать, он не представлял. Наверное, следует вежливо поблагодарить за гостеприимство и отчалить, а там... как будет, так пусть и будет.

– Не знаешь, – подытожил Андрей. – Тогда рассказывай.

– Что именно? – вскинул на него несчастные глаза Черкесов.

– Все, – сказал Андрей. – И без утайки. Это в твоих интересах.

Черкесов ненадолго задумался, с чего же начать... Несмотря на то, что Андрей половину истории знал, все же начал именно со взрыва, выбросившего Черкесова на свалку жизни. Тяжело было говорить, слишком мало прошло времени, а опасность не уменьшилась, напротив, увеличилась: ведь теперь многие, в том числе и неведомые враги-убийцы, знают, что он не погиб в автомобиле. Ко всему прочему, трое молодых людей, пока он говорил, не проявляли участия – слушали, как слушают неинтересную басню. После окончания повествования Андрей спросил:

– Ну и как, по-твоему, за что тебя хотят убить? Я не спрашиваю – кто. Кто – это всегда неизвестно. Но если приблизительно знать, за что, можно отыскать заинтересованных лиц. Ты сам-то думал, за что тебя так упорно убивают?

– Еще бы! – невесело хмыкнул Черкесов. – Только не знаю. Многие ворочают куда большими делами, и их не убивают. Крупных махинаций, обманов за мной нет.

– Убивают и за мелкое мошенничество, – вставил Назар.

– А угрозы ты получал? Письмо странное, или, может, звонил кто? – полюбопытствовал Гриша. – Обычно так делают: звонят, предупреждают, а потом убивают.

– Нет, предупреждений не было. Даже намеков никаких, – пожал плечами Черкесов.

– Вообще-то я считаю, – сказал Андрей, – тебе нужно встретиться со следователем и рассказать все.

– Да я сам хотел так сделать, – воодушевленно произнес Черкесов. – Но повернулось неудачно. Жена милицию вызвала... а я хотел...

– Говорят, у дураков мысли сходятся, – заявил Андрей, вставая из-за стола. – Собирайся, Черкесов, поедem к следователю, это лучший выход. Остальным – на работу.

* * *

День выдался солнечный, но и морозный. Снег поскрипывал под ногами, небо слепило глаза, словно обещало такую же безоблачную будущность. Идя к машинам, а у каждого члена так называемого кооператива имеется личный транспорт, Гриша пробубнил, не обращая ни к кому:

– Зачем нехорошему человеку помогать?

– Если шефу надо, значит, сильно припекло, – с намеком сказал Назар, поглядывая на Андрея с усмешкой.

Тот шел, погружившись в свои мысли, намека не услышал.

* * *

Андрей и Черкесов добрались до города меньше чем за час – так неслись. А еще через полчаса остановились у прокуратуры. Черкесова била мелкая дрожь и колотилось сердце, однако он твердо решил покончить с бегами, отдаться на милость следователей. Андрей заметил, что он волнуется. Собственно, волнение Черкесова можно было понять, ведь сейчас ему предстоит доказывать, что он – это он, поэтому Андрей предложил:

– Ты подожди меня, а я сгоняю и разузнаю, кто расследует твоё убийство и когда нас примут.

– Только ты не говори пока, что я жив, – предупредил Черкесов. – Уж лучше я сам... Скажи просто, что пришел по моему делу.

– Ладно-ладно, все сделаю, как хочешь, – успокоил его Андрей и направился в недра прокуратуры.

Черкесов остался во дворе, ходил, обдумывал, что и как будет говорить, и, естественно, постоянно оглядывался на вход в ожидании Андрея. Но того не было долго. Василий Романович уже заготовил все фразы, которые произнесет, изучил двор вдоль и поперек, от нечего делать подошел к щитку у входа, на котором красовались разные лица. Потом принялся изучать портреты разыскиваемых и пропавших людей, читать тексты под фотографиями. Но тут из прокуратуры выбежал Андрей с довольной физиономией, поискал глазами Черкесова, твердым шагом приблизился:

– Короче, следователь будет через пятнадцать минут, звонил, что едет... – Андрей осекся на полуслове, глядя мимо Черкесова.

– Знаешь, я тут подумал... – начал немного успокаиваться Василий Романович. – А ведь, действительно, следователи и должны обеспечить мне безопасность. Это правильно, что мы сюда... Что с тобой?

Андрей молча развернул его лицом к щитку и указал на... фотографию Черкесова. Василий Романович, видя собственную физиономию на листовке, приподнял в недоумении плечи. Разумеется, его заинтересовало, почему он, для всех похороненный, красуется на щитке с заголовком «Разыскивается», и он принялся читать вслух:

– «Разыскивается опасный преступник... – Черкесов оглянулся на Андрея, будто искал у него подтверждения, что именно эти слова написаны под фотографией. Но фермер, кажется, был потрясен не меньше его. Тогда Черкесов тихо и быстро дочитал: —...преступник, выдающий себя за погибшего депутата городской думы Черкесова Василия Романовича. Внешне преступник похож на Черкесова. Имеет тот же рост, сухощавый, глаза карие, волосы темные, умеет убедительно копировать голос Черкесова Василия Романовича и его манеры. Просьба ко всем гражданам, знающим местопребывание данного преступника, сообщить...» Ну, Лариска! Ну, стерва!

Он сорвался с места и побежал.

– Куда? – бросился вдогонку Андрей. – Я договорился, чтобы нас принял...

– Не пойду! – резко повернулся к нему Черкесов. – Открой машину.

Оба забрались в джип, но Андрей не завел мотор.

– Чего ты паникуешь? – взъярился он на Черкесова. – Ты же вот он. Пойдем к следователю, расскажешь все, как было...

– Да? – запальчиво выкрикнул Черкесов. – А доказательства где? У меня ни паспорта, ни других документов – все сгорело в машине. Меня сначала засадят до выяснения личности. А как я буду что-то доказывать? Пройдет столько времени, пока удастся – если удастся! – доказать, что я – это я... А жена... Она же, дрянь, специально будет свидетельствовать против меня! У, гадука гремучая!

– погоди, – увещевал его Андрей. – Ведь все равно выяснится, что Черкесов – это ты. Может, тебя не жена сдала, а твоя Алла...

– У Аллы нет моих фотографий. Лариска дала фотографию из альбома, этот снимок сделан во время выборов три года назад. Пойми, в камеру мне нельзя ни за что. Если подойдут убийцу в камеру, там мне не спастись. Все, поехали. Мне надо подумать, как быть. Вот, значит, как Лариска меня добить решила! Мол, двойник приходил! Змеюка!

Андрей разочарованно завел мотор и двинул назад. Черкесов всю дорогу ругался, как сапожник, и все его проклятия предназначались жене. Андрей рулил молча, один раз, когда Черкесов, захлебываясь от негодования, вынужден был замолчать, чтобы перевести дух, заметил:

– М-да, вот и жене ты умудрился напакостить...

Он привез Черкесова в свое «общезитие», выпил чаю и засобиравшись, дал указания:

– Мне пора делами заняться, а ты еще подумай, за что тебя хотят грохнуть. До вечера есть время. Кстати, раз ты живешь у нас, наряд вне очереди.

– Что? – не понял Черкесов.

– Ну, убраться здесь следует, картошку почистить на ужин. Можешь и пожарить ее, никто не будет против. До вечера.

Когда он ушел, Черкесов огляделся и вымолвил:

– Что тут убирать? Чисто же.

* * *

К семи часам трое фермеров вернулись и повели носом от пригоревшей картошки, которую Черкесов поставил на середину стола. Он развел руками в стороны, дескать, извините. Ну, не умеет он жарить картошку... Шашлык приготовить, барбекю – это нормальное мужское занятие на отдыхе, да и то забыл, когда последний раз нанизывал мясо на шампур. Его успокоил Андрей:

– Ничего, научишься. У нас ты всему научишься.

Черкесов уловил издевку в словах благодетеля, хотя, может, ему так показалось. Василий Романович вообще-то человек мнительный, постоянно выискивал каверзы против себя, подозревал в интригах и принимал меры зачастую не по факту, а на всякий случай. Возможно, из-за этого его и убивают. Только причина мизерная. Должно быть что-то более крупное. Тем временем Гриша уплетал картошку, невзирая ни на что, Назар тоже ел, аккуратно отодвигая особо подгоревшие ломтики на край тарелки. Андрей картошку есть не стал, нарезал колбасы и сыра, удовлетворился бутербродами.

– Знаете, я сначала думал, что меня по ошибке... – заговорил, не выдержав молчания, Черкесов. – Накануне взрыва купил машину, вот и решил, что меня перепутали с ее бывшим

хозяином. Но тогда зачем убивать меня вторично? А убийцы пришли на квартиру Аллы явно за мной...

Выяснив, что Черкесов так и не нашел существенных причин экспансии против него – а избавиться от гражданина депутата, неожиданно свалившегося ему на голову, хотелось быстрее, – Андрей сказал:

– Что ж, будем действовать наобум. Тех, кто тебя преследует, ты не знаешь, так? Следовательно, они выполняют чей-то заказ, значит, надо выяснить, кто тебя заказал. А теперь скажи, когда ты жил у Аллы, выходил из квартиры?

– Нет. Ни разу не выходил.

– Вот и начнем с Аллы.

– Почему с Аллы? – еле слышно пролепетал Черкесов, уже подозревая, что предала его не одна жена, а любовница тоже.

– Те парни, что пришли в ее квартиру, не взломали замок, а открыли дверь ключом. Где они его взяли?

– Алла дала? – вытянулось лицо у Черкесова. Вдруг до него дошло: а ведь действительно, ключ у киллеров был, Алла не вернулась домой, значит... – Как же я раньше не додумался? Ну я ее так тряхану...

– Не спеши, – охладил его пыл Андрей. – И как же ты собираешься выяснять у нее? Тебе Алла правду не скажет, но мы у нее все узнаем. План такой: один из нас идет в ресторан, где поет Алла, охмуряет ее и выведывает интересующие нас факты.

– И кто будет этот самый «один из нас»? – беспокойно заерзал Гриша.

– Ну уж не ты, – успокоил его Андрей. – И не я.

– Я? – встрепенулся польщенный Назар.

– Естественно, – хмыкнул Андрей. – Ты же у нас по женской части самый шустрый, значит, укротить Аллу придется тебе. Так что иди, наряжайся, дожужаешь в ресторане.

– Прямо так сразу? – поднялся Назар.

– А чего тянуть? – пожал плечами Андрей. – Быстрее выясним имена убийц, быстрее наш Вася вернется к нормальной жизни. Только есть условие, Черкесов. Мы поможем найти твоего врага, если, конечно, получится, а уж разбираться с ним будешь ты. Нам проблемы не нужны, понял?

– Да-да, я понимаю, – пролепетал Черкесов, искренно обрадовавшись, что эти парни согласились ему помочь. Главное – выйти на заказчика, а там Черкесов найдет способ обезвредить негодяя. – Только должен предупредить: Аллу не так просто охмурить. Она по мелочам не разменивается.

– Основная черта у нее какая? – осведомился Андрей. – Что она любит?

– Деньги, украшения... Да, и любит, когда хвалят ее вокал. Хотя поет она хреново.

– Слышь, квартиронец? – Андрей подошел к комнате Назара, где тот переодевался. – Представься ей внебрачным сыном Рокфеллера. А сначала сядешь в кабаке, закажешь самые дорогие блюда. Короче – сори деньгами. Потом пригласишь певичку к столу, скажешь: я, мол, давно приметил вас и... так далее. Ну а дальше по обстоятельствам действуй, не мне тебя учить.

– Есть! – с готовностью произнес Назар, выйдя из комнаты. – Годится?

– У него спроси, – кивнул в сторону Черкесова Андрей.

Тот подошел ближе, понимая всю ответственность, возлагаемую на него, придирчиво осмотрел Назара и извиняющимся тоном сказал, покачав головой:

– Алла вмиг его раскусит.

– Как это? – не понял Назар.

– М-м-м... – замялся Черкесов. – Костюм немного не подходит.

– Почему не подходит? – глядя в небольшое зеркало на стене, сказал Назар. – Это же мой лучший костюм.

– Понимаете, Алла в таких вещах разбирается, – вдруг разговорился Черкесов. – Она на глаз определяет, в какой стране сшит костюм, по чьим лекалам. Предпочитает бельгийские, говорит, там даже из дерьмовой ткани шьют шикарные вещи. Два раза она спасла меня от подделок. Я к чему это говорю: она сразу заметит отечественное производство. А раз человек одевается в отечественную одежду, он неинтересен для Аллы. По одежде она определяет статус, материальную базу. Думаю, Назару лучше идти в джинсах, эту одежду она признает как поистине демократическую. Только джинсы должны быть дорогие. И туфли эти... не подходят. Черт, у меня дома костюмов море, а Назар примерно моего роста и комплекции. Но ко мне не попасть.

– Отчего ж не попасть? – ухмыльнулся Андрей. – Попробуем. А то квартиронцу на свиданку с Аллой не годится абы в чем отправляться. Не мучайся, Назар, переоденься в удобную одежду. Кстати, Черкесов, у тебя деньги есть? На ресторан много нужно.

– Сто баксов и пятисотка, – отрапортовал тот. – У жены отобрал.

– На сто баксов круто не разгуляешься, – ввернул Гриша.

– Если попадем в дом, из сейфа возьму, – успокоил его Черкесов. Но тут же расстроился: – Только жена не пустит. Милицию вызовет.

– Это еще посмотрим, пустит или нет, – хмыкнул Андрей. – Григорий, захвати свой ветеринарский халат, пригодится. Едем.

Назар вышел в потертом джинсовом костюме, надел куртку и шапку. Решено было полную экипировку взять в доме Черкесова, дабы Алла поверила, что перед ней богатый клиент, и клюнула. Сели в джип, по мнению Андрея – это у них самый презентабельный транспорт. «Для Аллы внешних данных и хорошо подвешенного языка маловато...» – вводил своих спасителей в курс дела Черкесов. До города ехать час...

7

В городе они купили пиццу в коробке и едва успели на рынок, где торгуют цветами, приобрели там два шикарных букета у посиневшей от холода цветочницы. Андрей не объяснял, зачем потратил деньги на, казалось бы, бесполезные предметы. Неподалеку от дома Черкесова Андрей остановил джип, вышел и прошелся вдоль ограды.

– В доме на первом этаже горит свет, но тусклый, – сообщил он, вернувшись в машину. – Ограда решетчатая, всем одновременно маячить у ворот нельзя, Лариса такую толпу не должна видеть. Поэтому пойдет один Назар. Облачайся в халат, бери букет и пиццу. – Тот, не спрашивая, что да почему, принялся исполнять приказ. – Скажи, Черкесов, сколько человек в доме?

– Жена говорила, что детей отправила к теще, с директором школы договорилась, они приедут через месяц. Значит, Лариса должна быть одна, если только... – и Черкесов осекся.

– ...не привела тебе замену, – закончил с удовольствием Андрей.

Черкесов насупился. Мысль, что в его собственном доме может находиться любовник жены, была чертовски ему неприятна. Безусловно, у него были любовницы, ну так ведь он мужчина, ему необходимо держаться в форме. Но жена... он убьет ее лично, если Лариса завела роман на стороне при живом еще муже. Черкесов стоял на позициях тех мужчин, которые относятся к женщинам по принципу: «После меня не доставайся ты никому». Он готов был простить ей пистолет, направленный на него, хамство и то, что выгнала мужа без денег и документов, даже что милицию вызвала и очернила мужа своим поганым языком, но не любовника.

Троица ехидно переглядывалась во время паузы, догадываясь, какие чувства терзают Черкесова. Наконец Андрей хлопнул его по спине:

– Да ладно, не переживай, ты же тоже не святой. А что посеешь, то и пожнешь. Слышал про такое? Готов, квартиронец?

– Как пионер, – отозвался Назар.

– Позвонишь, она, естественно, спросит, кто. Учти, Лариса тебя будет видеть, там камера. Я правильно говорю, Черкесов?

– Да, камера есть, – подтвердил Василий Романович. – Она увидит Назара на мониторе.

– Ты ей: мол, по этому адресу заказана пицца с цветами плюс письмо, – говорил далее Андрей. – Станет отказываться, убалтывай, как умеешь, но она должна взять у тебя пиццу и цветы. То есть твоя цель, чтобы она вышла к тебе. У нас два варианта. Либо она выйдет к тебе сама и откроет ворота, либо впустит тебя во двор, но не дальше порога дома. Твоя задача потянуть время, потому что и мы должны войти. Смотри по обстоятельствам, если что – скрутишь ее. Все, пошел!

Назар забрал коробку и букет, вышел из машины и направился к воротам. Он звонил несколько раз, никто не отозвался. Назар вернулся в машину:

– Никого нет дома.

– Будем ждать, – сказал Андрей.

Ждали полчаса. Черкесов нервно поглядывал на дом, приподнимался и снова садился, его что-то беспокоило.

– Что ты мечтаешь? – не выдержав, спросил Андрей.

– Собака... – произнес Черкесов в раздумье. – Она не выбежала к воротам, когда звонил Назар.

– Ну и что? – пожал плечами Назар. – Может, твоя половина ее заперла, потому что к ней пришел гость?

– А рычание, лай ты слышал? – обратился к нему Черкесов.

– Нет, – уверенно сказал Назар.

– Куда же делся мой пес?

– Жена твоя его на мясо сдала, – вяло бросил Гриша, сидевший за рулем.

– Дурацкая шутка, – вскипел Черкесов. – Мой пес редкой породы, я за него тысячу баксов отвалил.

– М-да, нам так не жить, – заметил Андрей. – Что ж, раз во дворе не гуляет собака, мы можем перемахнуть через ограду. Черкесов, за нами!

– Там сигнализация, – предупредил Черкесов.

– Да как-нибудь отключим, – проворчал Гриша, доставая инструменты.

Три фермера сначала потрогали прутья руками, затем ловко перемахнули через ограду. Черкесов не смог взобраться по скользким прутьям, ринулся к дереву, собираясь попасть на территорию как в прошлый раз.

– Стой! – шикнул на него Андрей и перелез назад, к нему. – Что ж ты такой неумеха? Спортом надо заниматься. Давай подсажу.

Черкесов при помощи Андрея с трудом вскарабкался на ограду и затем мешком свалился на Гришу с Назаром, но уже на территории своей собственности.

– Сигнализация, кажется, отключена, – сообщил он тихо.

– Вот и замечательно, – сказал Андрей. – Идемте, попробуем взломать замок...

Но Черкесов сначала засеменил к заграждению, где стояла собачья конура чуть ли не в рост человека. Огромный бордосский дог лежал возле него на боку, высунув язык. Черкесов присел на корточки, тронул пса рукой. Тот не двинулся. Василий Романович растерянно взглянул на парней. К псу наклонился Гриша, ощупал его и выпрямился:

– Отравили. А подход недавно.

– Ох, не нравится мне все это... – проговорил Назар.

– Мне тоже, – угрюмо сказал Андрей. – Черкесов, вставай. Это все же не человек. Хотя некоторых людей я бы самолично к стенке ставил. Идемте.

Дверь в дом была заперта. Гриша возился с замком недолго, открыл. Все замерли, прислушиваясь к жизни внутри дома. Там тихо работал телевизор, других звуков не слышалось. Никто из четверых почему-то не решался переступить порог. Наконец Андрей подтолкнул Черкесова, мол, ты хозяин, ты и заходи. Тот растерянно оглянулся на парней, вошел в прихожую, потом робко открыл дверь гостиной. Из электроприборов горел только торшер, и от экрана телевизора шло свечение. Людей в гостиной не было.

– Наверное, Лариса ушла и забыла выключить телевизор, – сказал Черкесов. – Пойдемте наверх, гардеробная у нас там.

Он первый ринулся к лестнице, ведущей на второй этаж, Андрей и Назар шли за ним, Гриша осматривал гостиную.

– Вот бы жена пришла сейчас, а? – размышлял Черкесов, поднимаясь по лестнице. – И увидела бы сразу троих мужиков! А я бы спрятался и посмотрел на...

Вдруг Гриша свистнул. Черкесов, Андрей и Назар, дошедшие почти до верха, остановились и глянули вниз. Тут-то и подкосились колени у Черкесова. Как ни старался он удержаться на ногах, однако медленно сполз по стене. В следующий миг зажмурился, чтобы не видеть гостиную. Назар и Андрей сбежали вниз, встали рядом с Гришей. Они были потрясены не меньше Черкесова, поэтому стояли молча.

На диване, упав на подушки, лежала красивая женщина с широко распахнутыми глазами. Очевидно, она сидела, а после выстрела свалилась на бок. Правая рука ее свесилась вниз, под ней лежал пистолет. Спинка дивана и подушки были залиты кровью. Самоубийство. Женщина выстрелила себе в висок.

Андрей чуточку наклонился, изучая фигуру женщины. Назар присел – рассматривал пистолет, затем пристально, деталь за деталью, осмотрел женщину.

– Это твоя жена? – поднял глаза на Черкесова Андрей.

Тот только кивнул несколько раз. Пот катился по его лицу, стекая струйками, как слезы. Но Черкесов не плакал. Он ничего не чувствовал, кроме непередаваемого ужаса. В это время Назар протянул руку к женщине, но Андрей резко убрал ее:

– Ничего не трогать! М-да, дела... Берем одежду, деньги и смываемся. Ничего не касаться! Гриша, поищи полотенце и сотри наши пальчики. Поторопимся.

Назар тронул за рукав Андрея и указал на висок Ларисы. Тот присмотрелся, покивал головой, затем взлетел к Черкесову, поставил его на ноги одним рывком, схватив за дубленку. Черкесов лишь показал комнату, где хранилась одежда, на большее его не хватило. Забрали одежду. Когда Андрей тряс его и спрашивал, где сейф, он молча указал вниз. Его все не удавалось растормошить, тогда Андрей зло хлестнул вдовца по щекам:

– Очнись, черт тебя возьми! Не видел застреленных? А мы всякое видели. И это вы, чиновники, бросаете нас на войны, вам кажется, что это похоже на игру. Вот и доигрался!

Черкесов, пребывая почти в бессознательном состоянии, прошел в подвал, там показал сейф, встроенный в стену, вяло сообщил цифры кода. Гриша открыл, не глядя, перебрал в сумку содержимое сейфа и толкнул Черкесова – иди.

– Где камера? – затряс его уже в гостиной Андрей. – Показывай! Если мы попали в объектив, нам хана! Ты, придурок, очнись!

На слабых ногах, стараясь не смотреть на жену, хотя за спинкой дивана ее и не было видно, Черкесов проводил Андрея в комнатку на первом этаже. Камера оказалась пуста, без кассеты. Все поторопились покинуть дом, забрались в джип.

– Гриша, домой! – дал команду Андрей. – На сегодня все походы отменяются.

* * *

Андрей велел подъехать к дому Лизы, несмотря на то, что было поздно – двенадцать часов. В окнах света не было. Бросив на ходу: «Я сейчас», схватил букет и взбежал на крыльцо. Тихонько постучал, подождал, затем стукнул костяшками пальцев чуть громче. Ясно, Лиза спит. Он положил цветы на порог, вернулся в машину и буркнул оправдание:

– Чего добру пропадать?

На этот раз Назар не подколот его, как обычно подкалывал, все находились под впечатлением виденного в доме Черкесова. По дороге происшествие не обсуждали, ехали молча. Дома сбросили верхнюю одежду, сели кто куда, задумались. После длинной паузы Назар взял гитару, тихонько тронул струны. Гриша бросил на него укоризненный взгляд, потом перевел глаза на Черкесова, сидевшего с опущенной головой в углу, что означало: видишь, человеку плохо, а тебе все до фени. Назар отложил гитару и первым нарушил натужное молчание:

– Какого черта людям не хватает? Запросто решают проблему выстрелом. Как будто это единственный способ!

– Для некоторых выстрел или бомба – единственный способ, – философски заметил Андрей, подошел к шкафчику, достал водку, стаканы, разлил. Стакан, куда налил больше половины, отнес Черкесову. – Пей. Легче не станет, а все же... Хоть немного расслабишься.

Черкесов взял стакан, задрожавший в руке, выпил залпом, занюхал рукавом и отдал пустой Андрею. Вид он имел бледный, растерянный и подавленный. В голове его все смешалось, Василий Романович ничего не понимал. Гриша, опустошив свой стакан, принялся резать пиццу, затем начал жевать. Взяли по куску и остальные. Черкесов поморщился:

– Как вы можете есть...

– Еще пару трупов увидишь, поверь, аппетит перестанет пропадать, – сказал Назар.

Гриша достал из сумки пачки денег, две папки, раскрыл их. Одну папку взял Андрей, перебрал листы:

– Что это за документы?

Черкесов словно не услышал, говорил сам с собой:

– Как же дети... когда узнают... что их мать застрелилась. Мне надо поехать к ним, подготовить...

– Кто тебе сказал, что она застрелилась? – выговорил Назар набитым ртом.

Черкесов не понял смысла его слов, все качал головой. Наверное, представлял, сколько горя и боли принесет смерть Ларисы его детям. На глаза навернулись слезы, он свесил голову еще ниже, не желая показать слабость.

– Чего разнюнился? – грубо бросил Андрей.

От того, что никто из присутствующих не испытывал к нему жалости, от того, что попал в униженное, зависимое положение, а сделать сам ничего не может, наконец, от безысходности Черкесов затрясся в беззвучных рыданиях. Он плакал второй раз в жизни, если не считать сопливого детства. Даже на похоронах родной матери сдерживал слезы, ведь за ним следило множество глаз, и он хотел выглядеть сильным, мужественным человеком. Но вот за короткий период рыдал вторично. Потому что чувствовал себя загнанным в угол кроликом, предназначенным на обед. И только изредка слетали с его губ горькие слова:

– Как она могла... не подумать... Почему? Это жестоко с ее стороны. Что она хотела доказать и кому? Какая бессмысленная смерть...

– А ведь тебе не жаль ее, – подытожил Андрей, который к Черкесову относился хуже всех. В его короткой фразе обозначилось презрение, оскорбившее Черкесова.

– Что ты понимаешь! – пыхнул Василий Романович. – Она моя жена, мать моих детей. Лариса была хорошей матерью и плохой женой. Мы давно жили ради детей. Не понимаю... почему она это сделала?!

– А не понимаешь, так заткнись и слушай, – остудил его Андрей. – Объясни, Назар, что ты хотел сказать, а то этот... нехороший человек... мусолит страдания, вместо того, чтобы думать и действовать.

– Твою жену, Василий Романович, убили.

Черкесов вскинул голову, обвел всех испуганными глазами, в которых сквозило недоверие. Видя, что вдовцу нужно пояснить, Назар развернулся к нему корпусом:

– Стреляли с расстояния.

– Откуда ты знаешь? – выдавил Черкесов. Он мигом связал убийство жены с покушениями на него, посему поднял голову, в глазах обозначился интерес.

– Опыт, – усмехнулся Назар. – Когда стреляются, пистолет держат у самого виска, чтобы ненароком не промахнуться. Как распознают самострел? По нанесенной ране. По наличию или отсутствию дополнительных дефектов. Этих дефектов вокруг раны Ларисы нет. – Назар увидел, что Черкесов не понял, и пояснил: – Пуля вылетает с огнем, значит, при самостреле, при выстреле с близкого расстояния, вокруг раны должен быть ожог. А на виске твоей жены ожога нет. Вывод: в нее выстрелили с расстояния. А потом вложили в ее руку пистолет, чтобы остались отпечатки, но пистолет, естественно, выпал. Кстати, поэтому отравили собаку. Она была не на цепи, не закрыта в загоне. Тот, кто стрелял, кинул ей, может быть, кусок колбасы, она съела и околела, а он спокойно вышел. А произошло убийство примерно за час-полтора до нашего появления в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.